

Бестселлер New York Times и USA Today

ХРАНИТЕЛЬНИЦА

пробуждающие воспоминания запахи

АРОМАТОВ

станут путеводной звездой

ЭРИКА БАУЭРМАЙСТЕР

Эрика Бауэрмайстер
Хранительница ароматов
Серия «Лабиринты жизни»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64314151
Хранительница ароматов: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127226-5

Аннотация

Эммелайн проводит счастливое детство со своим отцом на отдаленном острове. Другого мира для нее не существует, только этот – наполненный запахами моря, яблонь, костров и мха.

Но по мере взросления Эммелайн растет и ее любопытство.

Почему они живут только вдвоем? Что за таинственный создающий запахи аппарат так бережно хранит отец? И что скрывают запечатанные воском бутылочки, выстроившиеся вдоль стен хижины?

Счастливая жизнь заканчивается, когда происходит непоправимое. И один выбор меняет жизнь девочки. Остров буквально выбрасывает Эммелайн в реальный мир, где царят не только любовь, но и предательство, честолюбие и месть. Здесь ей предстоит найти себя, чтобы узнать правду о своем прошлом.

Захватывающее путешествие превратится в сложное испытание, в котором запахи станут для Эммелайн путеводной

звездой, способной помочь отыскать утраченное и показать дорогу домой.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	9
Начало	9
Охотник за запахом	15
Аппарат	26
Подарок	37
Запахи	48
Пляж	55
Ложь	60
Незванный гость	66
Послание	71
Флакон	76
После	83
Часть вторая	89
Страна чудес	89
Додж	97
Тайная бухта	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Эрика Бауэрмайстер

Хранительница ароматов

Erica Bauermeister

THE SCENT KEEPER

Публикуется с разрешения издательства St. Martin's Publishing Group и литературного агентства Nova Littera SIA.

© 2019 by Erica Bauermeister

© Манучарова М.М., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ЭРИКА
БАУЭРМАЙСТЕР

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
АРОМАТОВ

Издательство АСТ
Москва

Пролог

Мы невольные хранители тайн наших родителей, рябь, вызванная камнями, которые мы никогда не видели брошенными. Если я закрою глаза и вдохну, то все еще буду ощущать тот сверкающий хрупкий миг, разрушивший мое доверие к отцу и разбивший его сердце; почувствую мед обещаний моей матери.

Возможно, вы тоже ощутите эти запахи, и даже больше. Клокочущую ярость мальчика, слишком напуганного, чтобы дать волю гневу. Резкое, будто вспышка, оцепенение девочки, потерявшей все в тот момент, когда она решилась на *Поступок*. Запахи дождя, морской соли и едва уловимого дыма трубочного табака. То, что случилось, прежде чем ты нашел свой путь ко мне.

Я чувствую, как ты, моя маленькая рыбка, плывешь в потоке моей крови, моего дыхания. Мы, люди, почти полностью состоим из воды, в которой попадают камни наших тайн. Пусть мои камни станут той твердью, где ты сможешь встать на ноги, когда окунешься в водоворот своей жизни. Пусть они не задавят тебя, а послужат для строительства дома. Это мой подарок тебе.

Позволь мне рассказать одну историю.

Позволь мне рассказать все.

Островам посвящается.

Часть первая

Остров

Начало

В незапамятные времена я жила с отцом на острове, затерянном в бескрайнем архипелаге. Остров будто выныривал из холодной соленой воды, жадно хватая воздух. Когда растешь среди дождя, мха и древних деревьев с толстой корой, легко забыть, что большая часть твоего острова находится под водой, спускаясь на две, три, пять сотен ледяных душ футов. На самом деле то, что под водой, кажется бесконечным, потому что вы никогда не сможете задержать дыхание настолько, чтобы добраться до дна.

Эти острова были приютом для беглецов, хотя в то время я этого не понимала. Мне не от чего было бежать, и у меня имелись основания там оставаться. Отец был для меня всем. Мне доводилось слышать, как кто-то говорил о ком-то: «этот человек – весь мой мир». При этом глаза говорящего сияли, как звезды. Мой отец тоже был моим миром. Он играл настолько большую роль в моей жизни, что я до сих пор нередко думаю об этом и это повергает меня в совершенное смятение.

Наша хижина стояла на поляне в центре острова. Мы были не первыми, кто поселился там, – эти острова имеют долгую историю беглецов. Почти столетие назад здесь селились французские охотники за мехами, говорившие с необычайно ярким, переливчатым акцентом. Лесорубы с богатырскими плечами и рыбаки, ценившие серебристого лосося. Позже, прячась от войны, пришли уклонисты. Хиппи, не признававшие правил. Острова поглотили их всех, а штормы и долгие темные зимы снова выплюнули большинство из них. Необузданная красота этих мест легко изумляла и так же легко могла убить.

Нашу хижину построил самый настоящий беглец. Он поселился в таком месте, где его никто не мог найти, и построил свой дом из деревьев, которые сам же и срубил. Этот человек провел на острове сорок лет. Он расчищал место для сада и сажал фруктовые деревья. А потом, однажды осенью, просто исчез. Говорят, утонул. После этого хижина пустовала долгие годы, пока не приехали мы. Найдя яблони рядом, мы открыли ее дверь и увеличили население острова до двух человек.

Я была слишком мала и не запомнила наше прибытие на остров. Помню только, что жила там. Помню тропинки, блуждавшие между деревьев, бдительно стоявших на страже, как в сказках, а также запах земли под нашими ногами, богатый и необычный, глубокий и особенный. Помню единственную комнату хижины, большое кресло у дровяной пе-

чи, сборник волшебных историй и коллекцию научных книг. Помню запах древесного дыма и сосновой смолы от бороды моего отца, когда он читал мне по вечерам, и прозрачный аромат трубочного табака – обонятельное напоминание о беглеце, которое впиталось в стены и никогда полностью не исчезало. Помню, как дождь, казалось, говорил с крыши, когда я засыпала, и как огонь в печи трещал и требовал тишины.

Больше всего мне запомнились ящички. Это были самые таинственные ящички, которые я когда-либо видела.

Мой отец начал мастерить их, как только мы поселились в хижине, и вскоре они выстроились вдоль наших стен от пола до потолка. Ящички были маленькими, их полированные деревянные поверхности были не больше детских ладошек. Но их было много, они буквально окружали нас, как лес и острова за дверью.

В каждом лежала одна маленькая бутылочка, а внутри каждой бутылочки – таинственный листок бумаги, свернутый рулончиком. Стекланные пробки были запечатаны воском разных цветов – красным в верхних рядах, зеленым – в нижних. Мой отец почти никогда не открывал эти флаконы.

– Мы должны бережно хранить их, – говорил он.

А мне казалось, я слышу, как шепчутся листки бумаги в ящичках.

Приди и найди меня.

– Ну, пожалуйста! – просила я снова и снова.

Наконец отец согласился. Он достал книжку в кожаном переплете, со столбиками цифр, и аккуратно добавил к списку еще одну. Затем повернулся к стене с ящичками, обдумывая, какой выбрать.

– Там, наверху, – сказала я, указывая на флаконы, запечатанные красным воском.

Истории всегда начинаются в верхней части страницы.

Когда-то мой отец соорудил высокую лестницу и теперь поднялся по ней почти до потолка, потянулся к ящичку и вытащил флакон. Спустившись, он осторожно сломал печать. Я слышала, как стекло скреблось о стекло, когда он вытаскивал пробку, затем шорох бумаги, когда он разворачивал ее. Поднеся гладкий белый квадрат ближе к носу, он глубоко вдохнул и записал в блокнот еще одну цифру.

Я невольно подалась вперед. Отец поднял глаза и улыбнулся, протягивая мне листок.

– Вот, – сказал он. – Вдохни, но не слишком глубоко. Пусть запах сам себя представит.

Я сделала, как он сказал. Напрягла грудную клетку, стараясь дышать неглубоко, и почувствовала, как щекочущие нос струйки аромата ускользают и теряются в завитках моих черных волос. Ощутила запахи костров, разведенных из незнакомого мне дерева; земли, более сухой, чем я когда-либо встречала; влаги, готовой вырваться из столь необычных облаков в небе, что я таких раньше и не видела. Пахло ожи-

данием.

– Теперь вдохни глубже, – сказал отец.

Я вдохнула и провалилась в аромат, как Алиса в кроличью нору.

Позже, когда бутылочка была закупорена, запечатана и водворена обратно в ящичек, я повернулась к отцу, все еще чувствуя остатки аромата, настойчиво витавшего в воздухе.

– Расскажи мне его историю, – попросила я. – Пожалуйста!

– Хорошо, жаворонок, – согласился отец. Он сел в большое кресло, а я устроилась рядом с ним. Огонь потрескивал в дровяной печи, мир снаружи был спокоен.

– Во времена забытых тайн, Эммелайн... – начал он, и ритм его речи обволакивал меня, как стихотворение, а слова казались сделанными из шоколада.

Во времена забытых тайн, Эммелайн, жила-была прекрасная королева, заточенная в огромном белом замке. Никто из легендарных рыцарей не мог спасти ее.

– Принеси мне запах, который разрушит стены, – попросила она храброго юношу по имени Джсек...

Я заворожено слушала, а запахи тем временем находили свои тайные укрытия в трещинах половиц, в словах рассказа

и в дальнейшей моей жизни.

Охотник за запахом

После этого я каждый день спрашивала:

– Пожалуйста, мы можем открыть еще один?

В конце концов он уступал, но не так часто, как мне хотелось бы.

– Флаконы защищают бумагу, – говорил он. – Если мы будем открывать их слишком часто, запах исчезнет.

Для меня это выглядело бессмыслицей. Запахи были как дождь или птицы. Они уходили и возвращались обратно. Они рассказывали вам свои собственные истории, сообщая, что прилив был низким, или когда была готова овсянка, или что яблони вот-вот зацветут. Но они никогда не оставались.

Однако, даже будучи маленьким ребенком, я понимала, что эти ароматические бумажные листочки были другими, какими-то волшебными, наверное. Они удерживали целые миры. Я могла распознать лишь их небольшую частичку – запах плода, но более насыщенный и сладкий, чем все, что я когда-либо пробовала. Или животное, самое ленивое из тех, кого я когда-либо встречала. Многие запахи были совершенно чужими – резкими и быстрыми, мягкими и тревожащими.

Я мечтала погрузиться в эти миры, чтобы понять, что заставляет их пахнуть. Еще больше мне хотелось быть Джеком – охотником за запахами, героем отцовских рассказов,

скользить под сенью мокрых джунглей и взбираться на вершины гор, чтобы уловить аромат одного крошечного цветка.

– Как ему это удалось? – спросила я у отца. – Как Джек нашел эти запахи?

– Следуя за ним, – улыбнулся он и многозначительно постучал меня по носику.

Я задумалась.

– Как это возможно? – наконец спросила я.

Отец снова улыбнулся.

– Просто не стой у него на пути.

Мне было не совсем понятно, что он имел в виду, но с тех пор я изо всех сил старалась, чтобы мой нос вел меня, и послушно следовала за ним. Я задирала его каждый раз при смене погоды, а затем изучала запах земли, чтобы понять, как она реагирует. Аромат морской соли постоянно кружил в воздухе, но, вдохнув глубже, я замечала, что он становится насыщеннее, когда разбиваются волны. Я уловила аромат яркой зелени, проходящий сквозь дугласовы ели, как водопад, и проследила за ним до бриза, который пронесся по верхушкам деревьев, задевающих друг друга иголками.

Каждый день на рассвете я спускалась с чердака, полная решимости найти все запахи, какие только смогу.

– Ты мой будильник, – шутил отец, услышав грохот моих шагов на лестнице. – Мой утренний жаворонок.

Большую часть времени мы проводили вне дома. Разводили цыплят, чтобы иметь возможность есть яйца, ухаживали за фруктовыми деревьями и огородом. Тем не менее основная часть нашей пищи бывала добыта с диких участков острова. Я не могу вспомнить время, когда бы не была частью этого процесса, и к восьми годам уже считала себя важным, если не совсем равным, партнером в борьбе за наше выживание.

– Фуражиры пируют, – шутил отец, и мы отправлялись в лес с корзинами, сплетенными из кедровой коры. Летом собирали ярко-красные хаклберри, а ягоды салала были настолько темно-синими, что казалось, ты держишь ночь на ладони.

Помню, однажды осенью мы искали грибы, прячущиеся под деревьями, – я была очарована замысловатыми сморчками, каждый из которых представлял собой лабиринт укромных уголков и щелей.

– Расскажи мне историю, – снова попросила я отца. Убрала непослушные локоны с лица и посмотрела на него снизу вверх. – Ну пожалуйста!

Он глянул на меня с высоты своего роста и на мгновение задумался, рассматривая сморчок в моей руке.

– Во времена забытых тайн, Эммелайн, – начал он, – Джек

очутился в заколдованном лесу, где деревья были высотой до самого неба. В лесу обитала прекрасная чародейка, которая жила в особняке, переполненном ароматами. Джек сразу влюбился, как только увидел ее. Как-то она привела его в свой великолепный дом. Оказавшись там, он понял, что не сможет выбраться...

– О нет! – воскликнула я, дрожа от страха.

– Мне продолжать? – спросил отец.

– Да, пожалуйста.

– «Я не отпущу тебя», – сказала чародейка и повела его в комнату, наполненную таким волшебным ароматом, что Джек забыл о внешнем мире. Всякий раз, когда он начинал вспоминать, она показывала ему другую комнату, более очаровательную, чем предыдущая.

Джек бродил по этому особняку годами, пока однажды не обнаружил комнату, которую никогда раньше не видел. Когда он вошел, то почувствовал запах, который словно разбудил его, и Джек вспомнил все, о чем мечтал, кем хотел быть, что собирался сделать. Оглядевшись, он увидел ключ, висящий на голубой ленте на крючке рядом с дверью.

Я ждала в предвкушении. Я любила волшебные ключи.

– И вот, – продолжал отец, – он взял ключ, открыл дверь, вышел в нее и больше никогда туда не возвращался.

Я ждала, надеясь на продолжение, но отец просто положил гриб в мою корзину.

– Этого недостаточно, папа, – запротестовала я. Даже мне

было известно, что истории заканчиваются гораздо сложнее.

– Но это так, мой маленький жаворонок, – ответил он и поцеловал меня в макушку. – А теперь пошли. Эти корзины сами себя не наполнят.

Возможно, лучшим местом для добычи пропитания на острове была наша лагуна – мелкий водоем почти овальной формы, отделенный от большой воды барьерными скалами и питаемый узким каналом, который бурлил во время прилива. Мы могли провести там весь свой день, собирая «урожай». Вдоль побережья росли дикий лук, морская спаржа и травянистые стебли водных бананов; под прибрежными камнями виднелись крошечные черные крабы размером с мой большой палец. Валуны, окаймлявшие берега, были усеяны ракушками и мидиями, а морские водоросли отличались бесконечным разнообразием. Мои любимые – фукус пузырчатый с его маленькими шариками, которые лопались во рту и оставляли после себя запах соли.

Однако интереснее всего была охота на моллюсков.

– Там! – говорил отец, указывая на фонтанчик воды, поднимавшийся с берега. Я мчалась к нему, стараясь попасть туда поскорее, чтобы поймать брызги и почувствовать, как они текут сквозь мои вытянутые пальцы. Но даже будучи малень-

кой и шустрой, обнаруживала только запах соли и небольшое углубление в песке у своих ног. Нужно было воткнуть маленькую палочку рядом с этим местом, чтобы отметить его.

– Есть еще один! – кричала я и бежала по пляжу в другую сторону.

– Молодец, – хвалил меня отец, идя по моим меткам с маленькой лопаткой в руке. К концу часа беготни и рытья наши корзины бывали полны.

Обычно мы сушили моллюсков, чтобы сохранить их на зиму, когда темнота наступала и окутывала нас тяжелым одеялом. Я не любила зиму – дождь превращался в то, что в абсолютной мере определяло настроение, еда на наших тарелках блекла, цвет исчезал, и оставались только высушенные яблоки, моллюски и хруст морских водорослей. Мой отец тоже исчезал, и его рассказы пропадали почти полностью.

– Нам обязательно сушить моллюсков? – спросила я однажды, и в тот день отец улыбнулся своейлетней улыбкой и согласился на пикник. Мы развели костер и приготовили моллюсков, добавив немного дикого лука и морской спаржи для аромата, и ели из тарелочек, сделанных из раковин морских ушек, ложками из раковин мидий. На десерт были ягоды. Потом сидели на песке, наблюдая, как небо становилось бледно-голубым, а отец смотрел, как вода с рычанием пробивалась по узкому каналу.

Этот канал всегда заставлял меня нервничать. Четыре раза в день прилив менялся, и вода устремлялась в нашу лагу-

ну или из нее через извилистый, заполненный камнями проход. Это было злобное, опасное нечто, готовое уничтожить любого, кто попадет ему в пасть.

Отец заметил, что я старательно избегаю смотреть в сторону канала, и поднял свою ложку-ракушку, чтобы произнести тост.

– За канал, который хранит нас в безопасности, – сказал он.

И это было правдой. За исключением лагуны, наш остров был совершенно крутым, его края отвесно спускались к воде. За его крутые каменные склоны цеплялись вечнозеленые деревья, нижние ветви которых были срезаны по идеальной горизонтальной линии, обозначающей прилив. Попасть на остров можно было только через канал. Я видела картины с изображением замков, воздвигнутых на холмах, неуязвимых снизу. Наш остров был замком, его сердитый канал – нашим разводным мостом.

– Он страшный, – возразила тогда я.

– Но он отпугивает пиратов и медведей, – заметил отец.

В своих книжках я видела изображения и тех, и других. И у меня не было желания столкнуться с ними.

– За канал, – согласилась я, поднимая свою ложку.

Время от времени, приходя в лагуну, мы обнаруживали, что пляж был густо усеян водорослями, вплоть до отметки прилива.

– Вечеринка русалок, – улыбался отец, и это казалось правдой. Песок в такие моменты казался будто специально украшенным, но с такой небрежностью, что только самые фантастические существа могли бы сделать это.

– Посмотрим, не оставили ли они нам чего-нибудь, – говорил он. Мы заглядывали за скалы, искали в кустах хакл-берри, которые росли вдоль берега. Конечно же, мы находили сокровища. Черные пластиковые коробки с тяжелыми крышками, которые закрывались крепче, чем флакон с ароматом. Внутри были самые чудесные подарки – рис и мука, шоколад и кофе. Иногда там были даже книги, обувь или одежда.

Однажды, когда мне было лет девять или около того, мы обнаружили особенно замечательную сокровищницу – два черных ящика, в одном из которых были пара новых ботинок и синий дождевик, как раз моего размера.

– Откуда русалкам знать, что мы любим? – поинтересовалась я как-то у отца.

– Они волшебницы, – ответил он, и в этом был смысл, потому что только с помощью магии можно было найти путь через наш канал.

Мы подняли коробки и торжественно понесли их в нашу хижину. Джек мог охотиться на маленькие цветы, а мы пой-

мали большую и тяжелую добычу. В ту ночь мы пировали, хотя и скромно, положив большую часть найденного в кладовую. Мы знали, что океан непостоянен, его тайны непредсказуемы. Он мог взять столько, сколько дал. Давнишний запах трубочного табака беглеца был нескончаемым напоминанием об этом.

После ужина мы с отцом обычно читали книги. Он любил научные, рассказывал мне о погоде, звездах, обучал названиям деревьев вокруг нас. Мы часами рассматривали рисунки странных морских существ, цветов и животных, которые, казалось, пришли из другого мира.

– А это что такое? – любопытствовала я, указывая на изображение коричневого животного с тонкими ногами и маленькой бородкой на вытянутой морде.

– Коза, – отвечал отец.

– А козы настоящие? – спросила я, на что он одобрительно кивнул.

– Может быть, русалки принесут мне одну?

Коза выглядела быстрой и умной, а может, и забавной. Может ли коза быть другом, подумалось мне. Отец тоже на мгновение задумался.

– Никогда не знаешь, что сделает русалка, – произнес он наконец.

– А мы можем их попросить? – спросила я, помня, что мы всегда брали с собой на пляж пустые коробки. Мой отец просил кого-то *быть добрым к русалкам*, а еще мы писали

благодарственные записки и оставляли их в коробке.

– Попробуй и увидишь, – пожал он плечами. – Никогда не знаешь наверняка...

Похоже, разговор подошел к концу. Так часто бывало с моим отцом. Он мог часами рассказывать о том, что происходит внутри дерева, или о погоде, а потом просто внезапно замолкал.

– Как насчет истории? – попыталась я воспользоваться его молчанием, чтобы поменять научную книгу на большую толстую коллекцию сказок. На обложке книги красовались золотые буквы, прекрасная принцесса и маленький сгорбленный человечек, который заморозил меня. Повествования были фантастическими, запутанными: о девушках, спящих вечно, и домах из конфет и лжи.

Отец объяснял мне, что многие вещи в сказках не были реальными, но проблема заключалась в том, что я не всегда понимала, какие именно. Конечно, я знала, что лес настоящий, но для ребенка, живущего на острове только с отцом, образ двух детей, держащихся за руки, был не менее необычным, чем идея превращения соломы в золото. Интересно, думала я, каково это – держать руку размером с мою собственную, знать кого-то еще, у кого больше вопросов, чем ответов? Тогда мне было интересно многое.

– Почему у меня нет матери? – спросила я отца, глядя на изображение женщины с длинными светлыми волосами и ребенком на коленях.

– Потому что у тебя есть я, – бросил он и перевернул страницу. На новой была злая леди с бледной кожей и темными волосами, которая смотрела в зеркало.

Отец толком не ответил на мой вопрос, но я полагала, что он предложил разумный компромисс, потому что в сказках, где есть матери, всегда есть ведьмы.

Я быстро пролистала рассказы, уходя от злой женщины и с удовольствием ощущая дуновение ветра от страниц. Где-то на середине книги обнаружилась щель, странная, как отсутствие зуба. Меня тянуло к ней каждый раз. Мне нравилось водить пальцем по этому месту, чувствуя, как рваные края прогибаются к корешку.

– Была ли здесь какая-то история? – спросила я.

– Она была не из лучших, – грустно пробормотал отец.

Я вопросительно посмотрела на него, но он только поцеловал меня в лоб.

– На сегодня достаточно, Эммелайн. Пришло время жаворонку лечь спать.

Я забралась на свой чердак, завернулась в одеяла и лежала там, думая о русалках, козах и матерях, пропавших страницах и ведьмах. А также об отцах, которые не говорят тебе всего, что ты хочешь знать. Но день был долгим, ящики – тяжелыми, а любовь моего отца была безусловной и неизменной. Я всегда ощущала это, поэтому больше не задавала вопросов. Может быть, все было бы по-другому, если бы я это сделала.

Аппарат

Еще более загадочным, чем русалки или козы, был аппарат моего отца. Раз в год он использовал его для изготовления новой ароматической бумаги. Я с нетерпением ждала, в течение долгих промежутков между этим действием чувствуя, как растет мое возбуждение. И вот отец отпирал кладовку, снимал с верхней полки машинку и разматывал длинный кусок мягкой серой ткани, защищавшей ее. Внутри была гладкая серебряная коробочка размером с половину буханки хлеба, с откидной крышкой, под которой находилась панель с бесчисленными крошечными отверстиями.

Отец поднимал аппарат, направлял его через всю комнату на дровяную печь и нажимал на черную кнопку сбоку. Я слышала шепот воздуха, проникающего в эти отверстия, как будто сама машина дышала, а затем серию щелчков. Наконец раздавались жужжание и свист, и из отверстия в основании аппарата медленно выкатывался бумажный квадрат.

– Дай мне понюхать, – просила я, врываясь в комнату прежде, чем бумага успевала попасть в бутылку.

Каждый раз надеясь на волшебство – новый мир, что-то такое, чего никогда раньше не ощущала, как запах ароматических бумаг в верхних рядах, – жадно вдыхала, взволнованная пышно раскрывшимся неизвестным цветком, загадкой непривычной пряности. А вдруг, думала я, это будет

настолько неожиданный запах, что я смогу воспринять его только как цвет или ощущение? Шепчущий синий. Танцующий рыжий. Гнев. Радость.

Но каждый раз меня ожидало разочарование – новый бумажный квадрат не имел запаха.

– Почему он не пахнет? – огорчилась я.

Отец выглядел озадаченным.

– Он пахнет, – рассеянно возражал он, записывая серию цифр на обратной стороне листа, затем сворачивал его и засовывал в стеклянную бутылочку. Плотно запечатав расплавленным зеленым воском, он отправлял ее в пустой ящик в одном из нижних рядов.

Это был неудовлетворительный ответ, но я не могла себе представить, что мой отец стал бы продолжать создавать ароматические бумажки, которые не работают. Так как же этот листок без запаха превращался в одно из тех фантастических творений? Я чувствовала, как красные восковые бутылки ждут, расположившись высоко, сверкающие и недосягаемые. Может, они рассыпают магию по рядам, своим соседством меняя других? Это казалось маловероятным. Может быть, новые были похожи на гусениц, которые принимали странные мягкие формы и исчезали в своих коконах только для того, чтобы появиться в ином облики? Или, может, это был длительный процесс посадки, благодаря чему они росли, словно некий цветок, любящий темноту? Все было возможно.

Мне было десять лет, когда я решила обзавестись собственной ароматической бумагой, которую могла бы хранить и изучать. Но мой отец был бережлив и осторожен с машинкой. Один листок в год, напоминал он мне и всегда придерживался расписания, хотя много вечеров, глядя вниз со своего чердака, я наблюдала, как, склонившись над столом, он чистит ее, возясь с маленькими мерцающими деталями. Кому-то его поведение могло бы показаться маниакальным, но когда вы живете на острове, сами собираете или выращиваете пищу, добываете топливо и воду, когда погода может быть вашим другом или врагом, меняясь каждый день, – бережливость и осторожность кажутся просто здравым смыслом.

Поэтому забота отца о машинке не вызывала у меня вопросов; я только с растущим нетерпением ждала идеальной возможности исполнить свое желание. Осень начала свое медленное скольжение к зиме. В воздухе повеяло холодом. В такие дни отец обычно уходил в себя, как белка, забирающаяся в свое гнездо. И вот однажды утром, выглянув наружу, я увидела мир, расчерченный морозом.

– Сегодня? – затаив дыхание, прошептала я, и отец меня понял. Было нетрудно догадаться. Мое нетерпение усугублялось пятью днями дождей, которые смывали свет из-за дере-

вьев, задерживая нас. Но в тот день небо было ясным, мороз писал свое послание по прожилкам опавших листьев и вертикальным очертаниям травы.

– Пора!

Отец принес аппарат из кладовки.

– Пожалуйста, – попросила я. – На этот раз ты сделаешь один для меня?

– Это не игрушка, жаворонок! – возразил он.

– Это может быть подарок на день рождения.

– Твой день рождения еще не скоро.

Но в его голосе почти слышалась улыбка. Цель была близка, можно проявить настойчивость.

– Значит, половина дня рождения. Я буду осторожна с ним, обещаю.

Он посмотрел в свою книгу для заметок, бережливо одетую в кожаную обложку. Затем поднял аппарат и повторил те же действия, что и всегда, – направил его через комнату и нажал кнопку. Листок вылез и отправился в бутылочку. Я наблюдала, мое разочарование было темным и жестким. Я так долго ждала!

Когда отец снова взял аппарат, я решила, что он хочет убрать его, но вместо этого он нажал кнопку еще раз. Дыры втянули воздух, и со знакомым жужжанием и свистом бумага выкатилась наружу. Отец тихонько помахал листком в воздухе и протянул мне.

Я удивленно посмотрела на него. Он улыбался до самых

синих-синих глаз.

– В какой ящик ты хотела бы его положить? – спросил он. – Мы можем написать на нем твое имя.

Я поднесла листок к носу и вдохнула. Но почувствовала лишь знакомый печной дым и слабеющий аромат сваренной в то утро овсянки.

Однако я держала в руках собственную ароматическую бумагу и была готова проявить терпение. Листочки, что прятались в бутылках с красным воском, нашептывали, что может произойти, и мое тело трепетало от предвкушения. Эта бумага не попадет в бутылку и не спрячется в стене. Я буду держать ее в кармане куртки, глубоко внутри, где безопасно и темно. Я буду защищать ее, но я также буду контролировать процесс.

Мысли роились в голове. В какой мир я попаду? Случайно ли он оказался в листке? Или листок выбран специально под меня? За кого меня могут принять в этом новом мире?

– Эммелайн? – позвал отец, заставив меня очнуться.

– Никакого ящичка, – отчеканила я.

– Ты уверена? – Отец нервно потер руки, глядя, как я убираю листок в карман куртки. – Во флаконе он прослужит дольше.

– Хочу почувствовать, как меняется запах, – возразила я.

Теперь отец почему-то казался грустным. Возможно, дело было в том, что вы не должны пытаться поймать магию. В сказках всегда так говорится.

Но сейчас все было по-другому. Это наука, сказала я себе. Думала разгадать эту тайну, следуя правилам, которым научил меня отец, когда мы гуляли по лесу.

Оцени ситуацию, Эммелайн. Исключи переменные. Определи оптимальный образ действий.

Однако даже в десять лет я уже подозревала, что наука была не единственной причиной, по которой я решила оставить листок у себя.

В то утро было холодно, но, возможно, прикосновение свежего воздуха разбудит аромат на моей бумаге немного раньше. Я понятия не имела, сколько времени потребуется, чтобы создать новый мир. Неужели запахи приходят сюда издалека? Может быть, они уже были в бумаге и ждали, когда их выпустят?

Я тронулась в путь; промороженная земля потрескивала у меня под ногами. Убедила себя, что просто хочу посмотреть на ситхинскую ель, повалившуюся много лет назад во время шторма. Со временем она стала горизонтальным местом рождения десятков стройных молодых саженцев, которые тянулись из разлагающегося ствола вверх, будто ряд восклицательных знаков. Она была совершенно мокрая от долгих дождей, и, вскарабкавшись на ствол, я промокла до ко-

лен. Мне казалось, что на высоте бумага могла бы легче улавливать путешествующие запахи.

Осторожно ступая по густому мху, стараясь не задеть молодые деревца, я встала на самую высокую точку и сунула руку в карман. Почувствовала острые уголки бумаги. Выносить ее на свет было рискованно, но я убедила себя, что деревья в этой части леса настолько густы, что вокруг почти темно.

Затем выдохнула, выталкивая из легких весь воздух, который собрала в лесу. Мне нужно было тоже стать чистым листом, готовым к новому запаху. Обхватив ладонью бумажный квадрат, защищая от света, насколько возможно, выдернула его из кармана и поднесла к носу. Глубоко вдохнула.

Ничего. Только запахи хижины. Разочарованная, я положила листок обратно в карман.

И вдруг замерла. Сейчас я была в лесу, далеко от хижины. Понюхала воротник куртки, волосы, кожу рук, чтобы понять, не от них ли исходит этот запах. Был определенно остаточный аромат: древесный дым, кофе, но он был слабым и настолько связанным со мной, что это были просто нотки, добавленные ко мне. Тот, что на бумаге, был другим, особенным, отдельным. Я снова вытянула листок. Вдохнула глубже, закрыв глаза.

Лес, казалось, исчез. Я находилась в хижине, а вокруг витали ее запахи: сушеных яблок в кладовке, корзинки с луком в углу, трубочного дыма с его протяжным шепотом.

Откинула голову назад и ощутила запах старой ситхинской ели, влажного мха и зимы. Уткнулась носом в листок. Хижина.

Новые ароматические бумажки вовсе не были пустыми.

Я помчалась обратно на поляну, на ходу вытаскивая бумагу из кармана. Но когда влетела в хижину, обнаружила ее пустой. Отец, должно быть, отправился в экспедицию за фуражом.

Тем лучше. Можно проверить свою теорию, прежде чем рассказать ему. Снова поднесла листок к носу. Вот и хижина, точно такая же, как в лесу. Идеально. Положив листок обратно в карман, глубоко вдохнула.

Стало понятно, что запах настоящей хижины уже не тот, что был на бумаге. В прошлом году мы потеряли яблоню, а потом бревна высохли настолько, что их уже можно было использовать в качестве топлива. Запах яблоневого дерева особенный, сладкий и мягкий, ошибиться невозможно. Раньше мы ее не жгли, но теперь она была в печи, и от ее аромата хотелось петь. Вдохнула, потом выдохнула и поднесла квадратик к носу. Ошибки быть не могло – бумага и хижина уже не были одинаковыми.

Подошла к нижним рядам ящиков и наугад открыла один

из них. Дрожащими руками сломала зеленую восковую печать на бутылке, лежащей в нем.

– Это для науки, – уговаривала я себя.

Вытащив ароматическую бумажку, сложила ладони горсточкой, чтобы сфокусировать вдох. Аромат был немного другим. Я открыла еще одну бутылку, потом еще одну. Вдыхала аромат древесного дыма, запахи свежего и сушеного моллюска, только что собранных яблок. Грязи с моих ботинок и осенних листьев под дождем. Различия были все время, но я практически не обращала на них внимания, ожидая чего-то совершенно нового – перехода в неведомое царство.

Но то, что хранилось в этих маленьких бумажных квадратиках, оказалось гораздо более загадочным.

Воспоминания.

Я расплавила зеленый воск, как это делал мой отец, запечатывая флаконы. Моя работа была не так хороша, как его, и приходилось надеяться, что он не вытащит их из ящичков в ближайшее время. Закончив, села в кресле у дровяной печи и стала с нетерпением ждать возвращения отца.

– Я знаю, что это такое, – торжественно заявила я, как только он пришел.

– О чем ты говоришь?

– Ароматические бумажки.

Отец как раз снимал пальто и шляпу, так что его лица не было видно.

– Это воспоминания, – сообщила я.

Он замер, держа пальто в руке, на полпути к вешалке.

– Что заставило тебя так думать? – Его голос звучал пылливо и серьезно.

– Ну, – начала я, и он, развернувшись ко мне, выслушал рассказ о каждом шаге моих исследований. Сначала безэмоционально, а потом заинтересованно, одобрительно кивая.

– Молодец, жаворонок! – похвалил он, когда я закончила. – Горжусь тобой!

Я вдохнула его слова и спрятала их глубоко внутри. Захотелось подольше остаться в этом теплом моменте. Но у меня был еще один вопрос. Мысль об этом не давала покоя с тех пор, как выяснилось, что это за листочки.

– Значит, они Джека? – я указала на фантастические ароматы в верхних рядах ящичков.

Отец изумленно взглянул на меня, потом кивнул.

– Да.

– Вернется ли он когда-нибудь за ними? – уточнила я.

Отец повернулся и посмотрел на стену с ящичками, словно видел впервые.

– Нет, – проговорил он. – Теперь наша работа – защищать их.

– Защищать от чего? – удивилась я. На острове были толь-

ко мы. Хотела было спросить отца, что он имеет в виду, но он уже вышел на улицу, чтобы принести дров для печи.

Подарок

С тех пор мысль стать охотником за запахами поглотила меня целиком. Если ароматические хранилища с красными восковыми печатями были воспоминаниями, воспоминаниями Джека, то это означало, что за пределами нашего острова существовали необычные миры, и охотники за запахами исследовали их так, как никто другой не смог бы. Я не знала, попаду ли туда когда-нибудь, но хотелось быть готовой к этому.

– Научи меня быть похожей на Джека, – попросила я отца. Он помолчал, и на мгновение в его глазах промелькнула тихая печаль, но затем он взъерошил мне волосы.

– Хорошо, жаворонок, – согласился он. – Бери свою куртку.

Мы вышли на середину нашей поляны. Перед нами дремал огород, готовый к зиме; по соседству в курятнике тихонько кудахтали куры. За ним простирался лес, полный возможностей. Отец на секунду замер.

– Итак, – начал он. – Найди мне свежее яйцо. Но с закрытыми глазами.

– В курятнике? – Я все еще с надеждой смотрела на деревья.

– Ну да, это то место, где лежат яйца, – улыбнулся он.

Курятник казался слишком заурядным местом для охот-

ника за запахами, но я закрыла глаза и позволила звукам завладеть миром. Щелканье цыплят, их легкое пыхтение. Шорох крошечных белых когтей, царапающих дерево. Зимний крапивник, его песня проста и сладка. Потом поднялась задвижка курятника, и отец провел меня внутрь.

– Вдохни, – сказал он. – Помни, сначала неглубоко.

Я втянула носом воздух, как при отливе. И почувствовала резкий запах куриного помета; воспоминание о лете, сокрытое в сухой траве.

– А теперь, – продолжал отец, – забудь про свой нос. Доверься подсознанию. *Послушай* эту историю.

Я снова вдохнула, медленно и глубоко, и почувствовала, как запахи окутали меня, такие полные и объемные, что я буквально могла бродить среди них. Ощутила не совсем полную свежесть воды в миске и забавный запах взъерошенных цыплят, которые деловито копошились вокруг, в поисках места на насесте. Я ждала, размышляя, как должно пахнуть свежее яйцо. Мой разум начал блуждать, впуская ароматы влажной земли снаружи и дыма, вырывающегося из печной трубы. Затем я заставила себя вернуться к насущной задаче. Джек обратил бы на это внимание. Как и я.

Там. Среди всех этих сильных запахов был один новый. Мягкий. Слабый. Его тепло не двигалось, как цыплята, а замерло, как камень, впитывающий солнце.

Не открывая глаз, я осторожно двинулась через курятник. Запах постоянно обнаруживал себя, как маяк. Вытянув паль-

цы, провела ими по сухой траве. Пушистый цыпленок прижался к моему колену, и я осторожно отодвинула его в сторону. Моя рука опустилась глубже, шаря в траве. Там.

Довольная, вышла из курятника с яйцом в руке, широкая улыбка озаряла мое лицо. Я была охотником за запахами. Совсем как Джек.

– Вот так это и делается, – улыбнулся отец.

Я нашла еще одно яйцо, на этот раз быстрее, и мы приготовили оба на завтрак.

– Какое у меня следующее задание? – спросила я отца, когда мы поели. – Это было слишком просто.

Он склонил голову набок, глядя на меня.

– Найди первый день весны, – проговорил он.

Если какое-то задание и требовало терпения, то именно это. Зима только начиналась, и до весны оставалась целая вечность. Я представляла, как наступят темные дни и дождь будет поливать наше хорошее настроение, пока оно не станет холодным и промокшим. Налетят бури, завоюют ветры, и деревья побросают свои ветви на нашу крышу. Зимой не время искать запахи. Они в это время года отдают печалью, прячутся у кострища или под корнями деревьев. Но Джек сделал бы это, сказала я себе, поэтому каждый день надевала

кurtку и отпраvлялась на охоту.

В конце концов запахов оказалось больше, чем можно было себе представить. Дождь и туман открывали их всем, кто обращал на них внимание. На самом деле снега на нашем острове не было, но каждый раз, когда холод отступал и начинались дожди, я чувствовала запах жизни, желающей вернуться, как волна, накатывающая на землю. Я слышала, как деревья шепчут: «Уже пора?»

Дни становились все короче и короче, пока наконец мир не накренился и равновесие не сдвинулось в другую сторону. Грядут перемены – я это чуяла. Это было похоже на шелест в ваших снах перед вашим утренним пробуждением. Это легкое натяжение струн гравитации, когда слабый прилив меняет направление и увлекает вас в море.

Однажды утром я проснулась от нового и в то же время знакомого аромата, доносившегося из-за двери. Отец любил повторять, что мой день рождения – это первый день весны. Не конкретная календарная дата, а ощущение – скрытый поток тепла, пробуждающий землю. Запах фиалок. Он называл это «зеленым в воздухе». Совсем не важно, что иногда мы снова возвращались в зиму; отец говорил мне, что это происходит постоянно. И что нет никаких проблем с празднова-

нием более одного раза в год, хотя считать свой возраст мне нужно только от первого. Значит, мне было одиннадцать.

Чутье подсказывало мне, что отца в хижине нет, но, прислушавшись, я узнала его приближающиеся шаги. К ним примешивался еще один звук, более выразительный и стремительный. Я сбежала по лестнице. На крыльце слышались звуки, отец стоял в дверях и держал на веревке козу – черную с одним белым копытом. Она была прекрасна.

– Смотри, кого я нашел, – спокойно улыбнулся он, словно обнаружение козы было совершенно будничным явлением. Мы находились на маленьком островке, окруженном водой! Единственные новые вещи, которые попадали к нам как по волшебству, были упакованы в черные пластиковые коробки! Но на крыльце стояла коза на веревке, небрежно зажатой в руке моего отца.

– С днем рождения!

Коза смотрела на меня блестящими желтыми глазами, казалось, слегка удивленно.

– Меня зовут Эммелайн, – сказала я, выходя на крыльцо. Коза царственно подняла в воздух белое копыто, как будто требуя исполнить ее приказание. Я встала на колени, чтобы быть ближе к ней, а она, опустив копыто, наклонилась вперед и уткнулась носом в мою руку, пока я гладила ее.

– Настоящая Клеопатра, – сообщил отец. Козочка посмотрела на него, склонив голову набок.

– А это еще кто такая? – поинтересовалась я, нежно про-

водя рукой по жестким коротким волосам на ее шее.

И он поведал нам о древней правительнице далекой страны, которая добивалась своего с помощью лодок, наполненных лепестками роз, и ванн мускуса.

Коза Клеопатра у нас решительно превратилась в Клео. Это прозвище очень ей подходило и очень быстро прижилось. Отец пришел к выводу, что хотя она еще достаточно молода для такого имени, но у нее мания величия. Она управляла нами с самого начала.

Отец начал строить сарай для Клео – ее дворец, как он его называл.

– А твоя задача, – сказал он мне, – познакомить ее с островом.

– Самостоятельно?

– Ты уже достаточно взрослая. И ты ведь не будешь одна, правда? – улыбнулся он. – Здесь нет ничего, что могло бы навредить тебе. Только пообещай мне, что не пойдешь на пляж, – добавил он серьезно.

– Обещаю, – откликнулась я, и это было правдой. Идея свободного передвижения по острову с Клео, на мой взгляд, была настолько замечательной, насколько можно себе представить. Я была готова принять любое ограничение, которое

для этого требовалось.

После этого каждый день, как только заканчивались по-иски пищи, садоводство или мои уроки, мы с Клео отправлялись в путь. Сначала я держала ее на веревке, но вскоре стало ясно, что она четко следует за мной. Вернее, она всегда шла впереди, но не более чем на четыре шага, постоянно оглядываясь, чтобы убедиться, что я рядом.

Мы играли в игру, отслеживая каждую тропинку на острове. Встречались настолько заросшие, что раньше я их попросту не замечала. Казалось, теперь мы нашли все, но однажды обнаружили небольшое углубление в зарослях кустов салала, которые образовали между деревьев большое зеленое море. Обычно пролезть сквозь их жесткие ветви было невозможно без мачете, но здесь, видимо, когда-то все-таки прокладывали тропинку, и намек на это был виден в той щели в передней линии.

Толстая шкура Клео не боялась заостренных листьев, а ее ноги уверенно ступали между корней. Она легко пробиралась сквозь заросли, и казалось, что тропа буквально открывалась за ней. Я спешила следом, опасаясь, что кусты снова сомкнутся и мы никогда не найдем дорогу домой, но Клео была полна решимости, а я никак не могла повернуть назад без нее.

Через некоторое время послышалось, как вдалеке вода бьется о камни. Волны звучали резче, совсем не так, как мягкий плеск прилива на песке нашей лагуны. Мы с Клео

протолкнулись сквозь последний массив зелени и очутились на выглаженной ветром голой площадке скалы около десяти футов шириной. Медленно приблизились к ее краю и устали на бесконечное небо вокруг, огромную череду островов и прозрачную воду далеко внизу.

Моим глазам еще никогда не приходилось преодолевать такое расстояние. Я не знала, что делать со всем этим пространством. Мне казалось, что оно может протянуть руку, схватить меня и унести с собой. Я попятилась, шаг за шагом, пока мои ботинки не ударились о сырое, мокрое дерево. Оглянувшись, увидела скамейку, приютившуюся на самой опушке леса и сильно потрепанную дождем и временем.

«Беглец», – подумала я.

Наклонившись, прикоснулась к ее рассыпающейся поверхности, задаваясь вопросом, что привело человека на это открытое место, почему он сидел здесь и смотрел на то, что оставил. Что же там было?

Мы с Клео долго стояли на этом утесе, прежде чем вернуться к хижине. Я не сказала отцу о нашей находке, опасаясь, что он не отпустит меня обратно на утес. Не представляла, что и думать об этом месте, учитывая тот факт, что мой отец никогда не приводил меня сюда. Почему-то казалось невозможным, чтобы он не знал о его существовании. Мой отец знал все.

После этого мы с Клео стали ходить на утес почти каждый день, и со временем страх уступил место любопытству.

Я приносила с собой обед, и мы вместе ели, садясь все ближе и ближе к краю понаблюдать за большой водой. Иногда мы видели кита, или сияющую флотилию дельфинов, или коричневые бревна, которые издалека выглядели так, будто плывут самостоятельно и целенаправленно. Иногда мимо пронеслась моторная лодка, рыча, как гигантское разъяренное насекомое. Я знала об этих вещах только по картинкам из книг моего отца или из сборника сказок. Там, на утесе, границы между разными книгами размывались. Я пряталась от лодок, уверенная, что в них пираты.

Но однажды увидела рыжеволосого мальчика, стоявшего на корме рыбацкой лодки. Он выглядел совсем юным, возможно, моего возраста. Всю следующую неделю мы с Клео приходили каждый день, но мальчик больше не появлялся. Это заставило меня задуматься – где же его дом?

В тот вечер за ужином я спросила отца:

– Почему мы здесь, папа? Почему на нашем острове нет других людей?

Отец отложил вилку.

– Люди лгут, Эммелайн, – произнес он, – а запахи – никогда.

Он, кажется, думал, что это все объясняет.

– Все люди? – упорствовала я. – А как же Джек?

– Даже Джек, – бросил отец, и лицо его так потемнело, что расспрашивать дальше не хотелось.

Но именно тогда я поняла, что никогда не расскажу отцу

о тропе, ведущей к утесу. У него есть свои секреты, а я имела право на свой.

Время шло. Приближалась еще одна весна. Мне исполнилось двенадцать, мои ноги и руки росли, как молодые деревца, сильные и стройные. Когда мы ходили к лагуне, я уже могла ловить моллюсков, стреляющих вверх водяными брызгами: сама раскапывала песок и находила ожидающиеся там раковины. Умела разводить костер с помощью сверла с дугой и куска сухого мха, а острым ножом могла выковырять моллюска из раковины быстрее, чем вы успели бы сосчитать до двух. Моя корзина для фуража всегда была полна, как у отца, и все чаще я наполняла ее самостоятельно, возвращаясь с Клео после приключений в лесу.

Мы с Клео привыкли бегать по стволам поваленных деревьев. Я раскидывала руки, чтобы сохранять равновесие, а ее копыта и так ступали уверенно и твердо. Но хотелось подниматься выше и выше. И я стала карабкаться вверх по стоящим деревьям, ветка за веткой, притворяясь Джеком – охотником за запахами. Иногда, зацепившись высоко за вечно-зеленую ветку, окруженная нежным постукиванием ее иголок, я улавливала дразнящий запах чего-то необычного. Например, теплого пекущегося хлеба, где-то далеко-далеко.

Или обнаруживала слабый след неприятного черного запаха, оставленного лодками. Кусочки истории, которую мой отец никогда бы мне не рассказал. Мир, который мне никогда не суждено увидеть. Я поднималась в воздухе, чувствуя, как ветви прогибаются под моим весом. Все это беспокоило, создавая ощущение одиночества, еще большего, чем прежде, но когда я наконец спускалась вниз, меня ждала Клео.

Отец научил меня подрезать Клео копытца и расчесывать ее. Мне нравились ритмичные движения моей руки по ее сильной спине, ее зубы, покусывающие меня, пока я работала. Так заканчивался каждый день. По ночам я слышала, как она блеет в своем сарае; отец объяснил, что козы в загоне любят прижиматься друг к другу, независимо от погоды. Я ждала, пока он уснет, а потом спускалась по лестнице в ее сарай и обнимала козочку, чтобы успокоить ее. Иногда там и засыпала, а просыпалась только с рассветом.

В такие ночи нарастало беспокойство, что между мной и отцом накопилось слишком много тайн. Но было нечто особенное в том, чтобы положить голову на бок Клео. Ее теплое и маленькое тело дарило мне ощущение полноты жизни. Это заставляло верить, что в мире есть больше, чем два человека. Поэтому я молчала.

Запахи

В то лето, когда мне уже исполнилось двенадцать, мой отец стал замкнутым, ничего не рассказывал, хотя до зимы было далеко. Он больше не спрашивал, что мы с Клео обнаружили во время наших поисков, и никогда не рассказывал, чем занимался, пока нас не было. Внезапно я осознала, что уже очень давно, возвращаясь домой, не видела на столе его корзину, полную фуража.

Но я была счастлива с Клео и рассудила, что отец не скажет, что происходит, даже если его спросить. И вот однажды, войдя в хижину, я увидела его стоящим перед открытой дверцей дровяной печи с ароматической бумагой в руке. На столе стояла пустая бутылочка, к пробке которой все еще прилипало кольцо из красного воска.

– Что ты делаешь? – спросила я.

Он закрыл дверцу печки и тяжело опустился на скамью у стола.

– Они уходят, – пробормотал он.

– Что?

– Запахи. Они исчезают.

– Дай мне понюхать, – попросила я, подумав, что причина в его носе.

Но это было не так. Когда отец поднес ароматическую бумагу к моему лицу, я ничего не почувствовала.

– Как давно она вне бутылки? – уточнила я, пытаюсь применить научные принципы, которым он меня научил.

– Это не имеет значения, – сказал он. – Ничего не изменится. Я проверяю их уже несколько недель. Верхний ряд практически исчез.

Моей первой реакцией была обида из-за предательства: он открывал бутылочки без меня. Затем пришло осознание более глобального – запахи покидали нас.

Подумала о емкостях в верхних ящиках, о мирах, которые они содержали. Одним хотелось летать, другим – плавать, следующим – оказаться в самых нежных объятиях, какие только можно себе представить. Мне всегда казалось, что, засыпая, я слышу, как они шепчутся между собой. Когда же в последний раз я их слушала? Теперь почти каждую ночь я провожу в сарае Клео. Возможно, ароматические бумажки молчат уже давно. Возможно, они удивлялись моему отсутствию. Может быть, поэтому и ушли?

– И ты собираешься... – начала я, указывая на дровяную печь.

– ...сжечь ее, – закончил он, все еще держа в руке бумажный листочек.

Жестокость этой идеи потрясла меня.

– Но почему?

– Одни из первых ароматов, когда-либо созданных людьми, были для того, чтобы сжигать их, – сказал он. – *Per fumare* – через дым. Такой способ поговорить с богами. Я хо-

тел отправить этот запах туда.

– А что, если мы найдем способ вернуть их? Разве Джек не хотел бы, чтобы мы попробовали?

Отец покачал головой:

– Это невозможно.

Его лицо стало отстраненным, будто он сдался, хотя в тот момент я еще не имела представления ни о причине этого, ни о состоянии отца. Я знала только, что ему больно.

– Тогда давай и впрямь сожжем ее, – сказала я.

Мы подошли к печке, открыли дверцу и замерли, глядя на огонь. Отец молчал и, казалось, на мгновение ушел в себя. Затем бросил листок внутрь. Мы смотрели, как пламя охватило его края и превратило их в свет, а затем в пепел. Поднявшийся дым был голубым, таким чистым, что превосходил цветом небо, воду и глаза моего отца. А потом возник аромат.

Он был объемный, насыщенный и то пропадал, то появлялся, пульсировал с такой силой, которой никак нельзя было ожидать от ароматической бумаги. Это не было окном в мир, распахнутым лишь на краткий миг. Это был сам мир. Я закрыла глаза, и стены хижины исчезли. Я улавливала сладкий аромат свежескошенной травы и нежный шелест цветов – ярких и многочисленных, гибких и легких, осыпанных пылью и чудесных в своем постоянстве, как сама память. Они сливались в прекрасное единое целое, как перекликающиеся песни птиц. Было солнце, которое своим теп-

лом вытягивало ароматы. Оно ощущалось на коже и окутывало меня так, как никогда не окружал жар нашей дровяной печи. Я стояла посреди всего этого, глубоко вдыхая. Никогда еще я не чувствовала себя такой наполненной.

Не знаю, как долго это продолжалось, только понемногу все уходило, пока не остались лишь свежесть дождя снаружи и слабый запах табака.

– Ох, – только и смог произнести отец, и его глаза наполнились слезами. Он потянулся к огню, словно хотел вытащить бумагу, но она действительно исчезла.

После случившегося мой отец изменился. Он всегда был очарован бутылочками, но потеря этого ароматического листка что-то сместила в нем. Напряжение в хижине росло, чувствовался его запах, тяжелый и насыщенный. Я наблюдаю за глазами отца, блуждающими по верхним ящикам, независимо от того, что мы делали. Когда мы уходили за едой, он старался поскорее вернуться обратно, оставляя половину нашего потенциального урожая на берегу. Однажды днем что-то наконец сломалось, он достал еще одну красную бутылочку и откупорил ее.

– Ну что ж... – сказал он и открыл дверцу печки.

Процесс сжигания ароматического листка расслабил его

на несколько дней, но затем все повторилось. Каждый раз это происходило все быстрее и быстрее, затишье становилось короче, напряжение росло. Не успела я опомниться, как верхний ряд исчез. Меня беспокоило, что произойдет, когда он пройдет через эти непостижимые верхние бутылки и обнаружит, что у него остались только старые версии нашей жизни.

– Почему бы нам не сделать новые ароматические листки? – предложила я. – Можно вынести аппарат наружу. Мы с Клео много гуляли, кое-что нашли и могли бы показать это тебе.

Я была готова выдать ему все свои секреты, даже утес с видом на весь мир. Но отец покачал головой.

– А что, если мы сделаем из одного из них новое хранилище для старого аромата? – указала я на третий ряд сверху. – Начнем все сначала?

Он посмотрел на меня, в его глазах появилась надежда. В тот момент я была для него Джеком – охотником за запахами, храбрым, умным и полным идей. И я по-прежнему оставалась Эммелайн – дочерью, которую он любил больше всего на свете.

– Хорошо, – согласился он. – Давай попробуем.

Он вынул из ящика бутылочку и мгновение подержал ее в руке. Затем вскрыл красную восковую печать отработанным, хорошо знакомым движением и вытащил бумагу. Запах был неуловим, как мы и предполагали, но теперь у нас был

план. Мы вместе подошли к печи.

– Держи, – сказал отец, протягивая мне листок. Тот лежал у меня на ладони – легкий безмолвный хранитель тайны. У него оставался единственный шанс проявить себя, если только мы не сумеем поймать его снова.

Отец принес аппарат, откинул крышку, обнажив отверстие.

– Давай! – скомандовал он, и я бросила листок в огонь. Когда дым закрутился у его краев, а жар проник в его сердцевину, появился запах – взрывной в своей сочной сладости аромат цветов, способный вызвать ассоциацию с насыщенным и влажным теплом. Отец нажал кнопку на аппарате и с тревогой ждал, когда из щели вылезет новая бумага. Он встряхнул ее, как всегда, держа на расстоянии вытянутой руки, и дождался, когда рассеется дым. Затем открыл окна, пустил свежий воздух. Хижина пришла в себя. Наконец он поднес бумагу к носу и вдохнул.

Я видела, как он скис.

– Нет, – сказал он, протягивая мне листок.

Я вдохнула, начала погружаться в цветочный аромат, но затем к нему примешался запах табака. Кедровый дым. Вчерашний ужин. Мой собственный пот.

– Это неправильно, – пробормотал отец.

В первую минуту я загорелась желанием узнать, что не так с запахом, в котором была я, но внезапно поняла, что даже если бы у него был ответ, едва ли бы мне действительно хо-

телось его услышать.

Аппарат просто остался стоять на полке.

Пляж

Отец убрал пустые флаконы обратно в ящички, где они лежали и ждали – непонятно, чего именно. Я старалась проводить как можно больше времени на свежем воздухе. Мне хотелось быть подальше от замкнутого пространства хижин.

Единственным местом, куда я не ходила, была лагуна. Я обещала это отцу, когда появилась Клео. Нарушение обещания грозило большими неприятностями – это было предостерегающее правило каждой сказки.

Но шли недели, и я стала сомневаться в разумности этого договора. Мой отец ушел в себя. Он почти не покидал хижину, и мне пришлось напомнить ему, что за садом и курами необходимо ухаживать. Наступила осень – нам нужно было добыть и засушить рыбы, моллюсков и водорослей, чтобы пережить зиму. Все это было на пляже, однако мой отец не выказывал ни малейшего желания идти туда.

– Фуражиры пируют, папа, – повторила я его поговорку однажды утром, протягивая ему корзину.

Он ничего не ответил. Затем медленно покачал головой. Он не хотел расставаться с флаконами. Это стало очевидно.

Решение пришло само – если он не собирается заботиться о нас, это придется сделать мне. Я крепче прижала корзину, вышла, свистнув Клео, которая тут же подскочила ко мне.

Добравшись до развилки на тропинке, не просматриваемой из хижины, направилась к лагуне.

Это был прекрасный день, запахи земли и деревьев вокруг меня только начинали слабеть после летнего буйства. Ягод было видимо-невидимо, я могла бы их собрать, но меня тянуло на пляж. Я не обращала внимания на нервное жужжание в ушах, на то, что мой нос, казалось, работал сверхурочно. Нам нужна еда, сказала я себе, и мне нужно идти к ее главному источнику. Ни больше, ни меньше.

Тем не менее я остановилась, когда мы достигли границы между деревьями и песком. Лагуна была большой и полноводной, голубизна над ней – безоблачной. Открытое, незащищенное пространство, где даже небо могло видеть, что я делаю. На мгновение я заколебалась и почти начала разворачиваться. Однако Клео, не испытывавшая подобных угрызений совести, выбежала на песок.

– Клео, – позвала я. – Вернись назад!

Но Клео не слушала, наслаждаясь песком, водой и пространством для бега. Пляж был ее любимым местом на острове, но она никогда не бывала здесь так часто, как хотела бы. Она резвилась, ее маленькие копытца оставляли крошечные следы на мокром песке, а задние ноги взлетали в воздух, высоко над водой, создавая тысячи брызг. За ее спиной вода танцевала и искрилась в солнечном свете, отражая ее счастье. Канал был полон и пенился; разводной мост был поднят.

«Нечего бояться, – подумала я. – Мой отец просто переживает сверх меры».

Я ступила на теплый песок, который мгновенно проскользнул между пальцами ног. Предыдущая неделя была слишком пасмурной, и бесконечная синева надо мной превратила колебания в эйфорию. Я отломилла шишковатый кусочек морской спаржи и сжала его в зубах. Мой любимый валун был нагрет солнцем, я устроилась на нем и лежала, чувствуя спиной его дружескую поддержку. Прикрыв глаза, позволила солнечным лучам играть на моих веках.

– На пляже полно водорослей, – вслух рассуждала я, – скоро смогу набрать еды.

Не знаю, сколько прошло времени; меня разбудил рококущий звук. Вскочив, я огляделась. Все было как прежде, кроме канала. Он стал ровным и спокойным. Я никогда не видела его таким раньше, поэтому стояла и смотрела как зачарованная. Звук приближался, грохоча по каналу.

– Клео! – окликнула я козу, и на этот раз она послушалась. Мы вскарабкались по тропинке в лес как раз в тот момент, когда в лагуну вошла лодка.

Я видела похожие с утеса. Издали они напоминали дружеских птиц, скользящих над водой, но вблизи шум от одной из таких оказался оглушительным. Воздух наполнился густым, но быстро ускользающим запахом, успевшим вытеснить аромат соли и песка. Из нашего укрытия можно было увидеть человека на носу лодки.

«Пират», – подумала я и похолодела.

Лодка с ревом пересекла лагуну, шум прекратился, когда она достигла мелководья. Деревья вокруг меня задрожали от внезапно наступившей тишины. Человек стоял прямо, казалось, прислушиваясь. Я наблюдала за ним из-за своего дерева и очень старалась быть невидимой. Он был жилистым и маленьким, с загорелой кожей и белыми волосами, торчащими из-под ярко-красной кепки. Сконцентрировавшись, почувствовала запах его пота, отличавшийся от запаха пота моего отца, и флюиды чего-то похожего на хлебное тесто.

Человек спрыгнул с борта лодки в воду, схватил веревку с ее носа и пошел к одному из больших камней. Легко привязал лодку и похлопал ладонью по скалистой поверхности. Мужчина совсем не походил на пирата, по крайней мере, на тех, о которых я читала.

Рядом со мной дрожала от возбуждения Клео. Я крепко держала ее за шею, пытаюсь успокоить нас обеих, но она решительно тряхнула головой, отшвырнула мою руку и побежала по пляжу к мужчине.

– Дейзи! – воскликнул он и раскрыл объятия. Клео побежала к нему, и я не поверила глазам, когда мужчина опустился на колени и стал гладить ее макушку.

– Посмотри на себя, – сказал он Клео. – Теперь ты такая большая девочка. Они, должно быть, хорошо кормят тебя.

Клео радостно заблеяла, и мужчина слегка сжал ей мордочку.

– Тише, – сказал он. – В большой воде плавает медведь. Мы же не хотим, чтобы он узнал о тебе?

Глаза мужчины обшаривали берег по периметру, словно он что-то искал. *Меня*, подумала я. *Он ищет меня*. Я застыла на месте, пытаюсь слиться с деревом. Затем человек, казалось, услышал что-то позади себя; он оглянулся на канал. На его поверхности появилась первая рябь. Мужчина встал.

– Мне пора, – сказал он Клео. – Начинается отлив.

Он подошел к лодке и что-то вытащил. Он стоял спиной ко мне, так что я не могла разглядеть, что это было, но по тому, как он наклонился, я поняла: что-то тяжелое.

Я наблюдала, как он донес свою поклажу до места чуть выше отметки прилива, туда, где водоросли тянулись сумасшедшими нитями. Он выпрямился и еще раз окинул взглядом пляж. Вздохнув, повернулся и похлопал Клео по крупу.

– А теперь иди домой, – велел он, отвязал лодку, завел мотор и направился в только что вспенившуюся воду канала.

Я дождалась, пока мотор перестанет шуметь, и только тогда вышла из укрытия. Клео подбежала и ткнулась носом мне в руку, но я не стала ее гладить. Просто стояла и смотрела на отметку прилива. На черную пластиковую коробку, уютно устроившуюся среди водорослей. Все это выглядело бессмыслицей. Этот человек не был русалкой. Никакой русалочьей вечеринки не было. Я ничего не понимала.

Потом осознала: просто все было не так, как говорил отец.

Ложь

Порой удивляюсь, как вообще можно было поверить в русалок. Например, я бы никогда не поверила в историю о пасхальном кролике, поскольку слишком много знала о курах и тех, кому они позволяют забирать свои яйца. Но я видела, как цветы превращаются в плоды, и это было сродни тому, как в папиных рассказах солома превращалась в золото. Я видела, как морские анемоны умирали и заново рождались с каждым приливом. Как-то нашла морские раковины, закрученные в причудливую спираль, и отец сказал мне, что эти изящные формы когда-то служили домиком для живых существ. В таком мире русалки не казались нереальными.

Было еще кое-что. Хорошо это или плохо, но мы с отцом жили в единении с землей. Мое детство было наполнено обыденными чудесами и вместе с тем твердокаменным убеждением, что наша жизнь зависит от того, что мы можем сделать, найти или вырастить. А эти русалочки коробки были для меня не просто источником пропитания. Они давали мне ощущение, что кто-то волшебный знал о нас и заботился. Кто-то, кроме моего отца; больший, чем остров. Мне очень важно было в это верить. Думаю, мы все нуждаемся в чем-то подобном.

В тот день на пляже стало ясно – отец солгал мне. Я не задалась вопросом, была ли эта ложь нужна для меня, для

него или для нас обоих. Должны ли были его рассказы заставить реальность исчезнуть либо приблизить ее? Меня терзала единственная мысль: если русалок не существует – все остальное тоже ничего не стоит. Я повернулась и пошла к хижине, шлепая по грязи.

– Ты лгал, папа!

Отец стоял лицом к печи и резко обернулся на звук моего голоса, его глаза были красными.

– Где ты была? – воскликнул он. – Я искал повсюду. Я думал, что потерял тебя.

Меня трясло от возмущения.

– Никаких русалок нет! – заорала я.

Он ошарашенно смотрел на меня, его лицо исказилось неподдельной болью.

– Ты ходила на пляж?

Эти слова упали на пол и раскололись. Несмотря на все, происходящее в нашей жизни, на все изменения, его доверие ко мне было абсолютным, не вызывающим никаких сомнений.

Осознание этого сбило меня с толку. Я была ошеломлена страданием на его лице. Мне казалось, что я иду в верном направлении, но теперь мои мысли суматошно заметались. Как будто прилив застиг меня посреди канала. Я была взбешена обманом отца, но в то же время сгорала от стыда из-за собственного предательства.

Он сделал ужасную вещь. Я сделала ужасную вещь.

Невозможно было удержать обе эти мысли внутри себя. Будучи слишком взрослой в некоторых отношениях, я оставалась ребенком во многих других. И упрямо не желала думать о том, что сделала. Просто хотела ощущать праведный гнев, как в тот момент, когда, пылая от негодования, топала по тропе к хижине.

– Так вот почему ты не хотел, чтобы я туда ходила? – рявкнула я. – Потому что я могла увидеть правду?

– Нет. – Голос отца звучал очень тихо.

Я ждала продолжения, но его не последовало. Я ощущала только мягкий и нестабильный запах печали, исходящий от него волнами, словно из океана, глубокого настолько, что мне и представить сложно было.

Уйти. Нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Выйти на улицу, чтобы загнать Клео на ночь в сарай.

– Нет, – сказал отец, положив руку мне на плечо. – Оставайся.

Мне не хотелось, но стыд удерживал цепко, как ложку. Папа вышел за дверь. Я слышала, как он что-то тихо бормочет Клео, а потом щелкнула задвижка сарая. Когда он вернулся, я сидела у себя на чердаке.

– Ужин? – предложил он, но я не ответила. Я уже не знала, на кого злиться. Через какое-то время даже пожалела, что не согласилась. Слушала, как он шуршит на кухне, но так и не почувствовала никакого запаха еды. Когда стемнело, появилось только пламя свечи, и все, больше ничего не измени-

лось.

Я лежала в постели. Снаружи слышалось бляение Клео. Пришлось подавить желание пойти к ней в сарай, потому что я знала, что не могу добавить еще один ушат в океан боли моего отца, что бы там ни случилось. Поэтому лежала без сна, слушая, как крики Клео превращаются из разочарованных в горестные. В конце концов она успокоилась, и я осталась наедине со своими мыслями, которые путались и кружились, пока усталость не погрузила меня в сон.

Я очнулась от крика, ворвавшегося в мой сон. Села прямо, голова у меня шла кругом. Звук был слишком высоким для моего отца, слишком громким для совы. Он раздался снова, этот леденящий вопль страха. Клео.

– Папа! – позвала я, отбросив одеяла. Вопли продолжались, перемежаясь взрывами звуков, хриплых и грубых, не похожих на то, что я когда-либо слышала.

Отец схватил меня, когда я уже сбежала по лестнице.

– Что случилось? – замирая от страха, пролепетала я.

Мы подскочили к окну. Полная луна освещала поляну. Что-то мохнатое и огромное кружило по периметру, как будто темнота между деревьями стала плотной и начала двигаться. Время от времени оно встряхивалось, и во все сто-

роны разлетались капли воды. Я слышала, как в сарае топочет копытами Клео. Куры в клетке пронзительно кричали и для моих глаз превратились в большое размытое пятно из перьев.

– Что это? – повторила я шепотом.

– Медведь. – Лицо отца стало белым как снег.

Существо было совсем близко, и я увидела, как под густым мехом двигаются мускулы. Медведь прошел мимо курятника, бросив на него небрежный взгляд, словно оценивая на будущее. Затем несколько раз обошел сарай. Клео с каждым поворотом становилась все более неистовой, ее копыта выбивали дробь по доскам. Зверь встал на задние лапы, слышался треск дерева. Крик Клео достиг безумной высоты, когда она выпрыгнула из загона.

– Папа! – завопила я.

Клео бежала, бросаясь направо и налево, пытаясь добраться до хижины или до леса, или просто ускакать, но медведь каждый раз неумолимо отрезал ей путь к отступлению, подходя все ближе и ближе. Коза была в ужасе, ее огромные глаза искали спасения. Она уже почти добралась до хижины, но медведь сделал быстрое движение вправо, преграждая ей путь. Клео встала на дыбы, ее копыта рассекали воздух. Медведь, стоя на задних лапах, резко замахнулся. Первый удар заставил ее смолкнуть. А потом был только медведь и мягкий звук его трапезы.

Я стояла у окна, ошеломленная.

– Папа, – сквозь слезы пролепетала я, – почему ты ничего не сделал?

Снаружи медведь удовлетворенно зарычал.

– Как он нас нашел? – Казалось, отец спрашивал воздух, а не меня.

Но я знала. Это была моя вина. Я взяла Клео с собой на пляж. Мы сами поманили медведя. И внутри меня не было места, достаточно большого, чтобы вместить это знание.

Незванный гость

Медведь ушел не сразу – наш остров был для него подобен накрытому обеденному столу, причем других желающих полакомиться не наблюдалось. Весь следующий день он провёл, обгладывая кости Клео, а затем добрался до курятника и пировал там. А потом пространство вокруг буквально заполонил отвратительный запах медведя. Запах проникал под дверь, через каждое окно, через каждую щель в стенах. Я перестала есть.

Отец стоял у окна, сжав кулаки. Мне показалось, что он не двигался в течение нескольких дней. У нас не водилось оружия, да оно нам и не требовалось. Я видела изображения ружей в книгах, но они были для меня чем-то фантастическим, как ведьмы или тролли. В нашей хижине был топор для рубки дров, но как только отец посмотрел в его сторону, я побежала и загородила собой дверь.

– Нет! – сказала я в ужасе.

Он уступил и, вернувшись к окну, продолжил наблюдать за медведем. Через некоторое время отец снова заговорил, его голос был тусклым и бесстрастным:

– Это самка. Если нам повезет, ее логово окажется где-нибудь в другом месте, и она снова впадет в спячку. Если у нее будут детеныши, она останется с ними и не вернется сюда еще много лет.

Ничего не оставалось, кроме как ждать.

Клео больше нет. Это случилось внезапно, и я не знала, что делать. Так убивали мышей, хватали их по ночам совиными когтями и с криком уносили в темноту, но не того, кого я любила. Я словно получила незаслуженную оплеуху, и мой мир изменился.

Однажды я, когда только училась лазить, упала с дерева. Было невысоко, но я приземлилась на спину, и земля выбила дыхание из моих легких, заставив на один долгий момент замереть меж двух миров, ни здесь, ни там. Клео тогда подбежала ко мне и облизывала мое лицо, пока я наконец не вдохнула и жизнь не вернулась ко мне с новой силой. А теперь никакой Клео не было.

Мне хотелось кричать. Мне хотелось плакать. Мне хотелось бить отца, стены, саму себя. Мне нужно было сделать хоть что-нибудь в попытке освободиться от боли, но ничего не получалось.

Покончив с цыплятами, медведица взялась за яблони. Затем она перемахнула через забор на огород, отрывисто шлепнув лапами, и принялась рыться в картофеле и моркови. Мы смотрели, как исчезают наши запасы на зиму, поглощаемые, казалось, бездонной глоткой зверя.

Когда поляна была действительно расчищена, медведица неуклюже поднялась на наше крыльцо. С чердака я услышала, как она принюхивается к щели в двери, и замерла. Однако вскоре она утратила всякий интерес к хижине. Ей не было никакой необходимости прилагать усилия, чтобы проникнуть внутрь; наш лес и пляж были полны еды. Она скрылась за деревьями. Мы больше не видели ее, но я чувствовала ее запах каждый раз, когда открывала дверь.

– Она уйдет, когда не останется ничего съестного, – сказал отец. – Это может занять некоторое время.

Мы ждали; день за днем мой отец и я кружили друг подле друга в замкнутом пространстве. Необходимость держала нас вместе, хотя многое что и разобщило.

Каждое утро я просыпалась с твердым намерением сказать отцу, что медведица пришла из-за меня. Сказать ему, что мне очень жаль. Но всякий раз, когда я спускалась по лестнице и видела, как он смотрит в окно или на флаконы, какая-то часть меня все еще хотела обвинить его. Его секреты. Его ложь, которая все разрушила.

Моя вина. Его вина. Моя вина.

Отец ходил взад-вперед по хижине, его глаза, казалось, не могли ни на чем сфокусироваться. Одежда свободно болталась на его похудевшем теле.

Мне хотелось бы думать, будто я знала, что чувствует мой отец, или хотя бы пыталась представить это. Когда горе прокладывает туннель по нашей жизни, в возникшей рядом тем-

ноте слишком легко потерять из виду других людей или, наоборот, тяготиться их присутствием, их печалью, усиливающей наши страдания. Мы с папой отчаянно нуждались в открытом пространстве, в чистом воздухе, куда могла бы уйти наша боль. Оставалось только ждать.

– Хочешь сжечь ароматическую бумагу? – спросила я у него. Все что угодно, лишь бы привнести в помещение другой запах.

– Нет, – сказал он, вставая перед ящиками. – Мне нужно защитить их.

«От меня?» – Я удивилась, но промолчала.

Мы всегда были предусмотрительны в том, что касалось съестных припасов, и обычно осенью заранее начинали готовиться к зиме. А в тот год, когда я в тот несчастный день отправилась с Клео на пляж, мы уже отставали от намеченного плана. Потом, после всего произошедшего, мысль о пище еще долго вызывала у меня тошноту, но я знала, что в конце концов природа возьмет свое, а заготовок у нас было недостаточно, даже без столь активного участия медведицы. Часто, глядя на еду, оставшуюся в кладовке, и деля ее на зимние дни, я понимала – не хватит.

А потом однажды утром что-то изменилось. Я унюхала

это в воздухе, когда открыла входную дверь. Это было отсутствие. Нередко отсутствия бывают крайне ужасны, а это было крайне желанным.

– Она ушла, – негромко сообщила я отцу. Он подошел, встал рядом, затем кивнул.

Прохладный воздух снаружи грозил вот-вот стать морозным. Большая часть осени была упущена из-за медведицы. Отец на всякий случай взял топор, и мы пошли по тропе, мимо ободранных кустов салала, мимо деревьев, под которыми виднелись втоптаные в грязь грибные шляпки. Подойдя к берегу, обнаружили следы зверя, направлявшегося к воде. Исчезающие.

Мы были свободны.

Хотелось думать, что жизнь налаживается, но уж слишком многое у нас изменилось. Медведь забрал нечто большее, чем Клео, большее, чем возможность пережить зиму. Он разорвал незримую нить, связывающую нас, и теперь мы даже не были один плюс один.

Послание

Остров, каким я его знала, удивляющий, дающий ощущение восторга и безопасности, исчез. Клео была мертва. За несколько недель горе затопило меня полностью, разрывая изнутри. И теперь, когда я дала ему выход, стало огромным и безрассудным. Оно уже не хотело быть тихим.

Оно было ужасающе объемным, намного больше меня и гораздо больше того, с чем мог справиться мой отец. Поэтому я давала волю рыданиям, убегая глубоко в лес. Втягивала воздух, стараясь снова загнать их внутрь, но, несмотря на попытки сдержаться, все мое существо истошно голосило: *услышь меня, услышь меня, услышь меня*. Нестерпимо хотелось, чтобы отец взял мою боль, положил ее в одну из своих драгоценных бутылок и она исчезла. Мне было нужно, чтобы он любил меня, невзирая на мою вину в том, что Клео погибла и наш остров, наш маленький мир оказался разрушен.

Но мой отец замкнулся, разговаривать с ним было бесполезно. Казалось, он блуждает в одиночестве, в поисках вещей, которых больше не существовало.

– Тебе нужна компания? – спрашивала я.

Он качал головой. Смотрел вверх, на ящички.

– Все, что мне нужно, чтобы вы были в безопасности, – отвечал он. Вот только было непонятно, меня он имел в виду

или флаконы.

– Папа, – звала я.

Но он просто хватал свою корзинку и направлялся к двери.

Я оставалась в хижине, осязая кожей все, чего в ней давно не было. По привычке, чтобы успокоиться, часто навевалась в кладовую подсчитать, сколько или, вернее, как мало продуктов осталось. Как-то заметила на верхней полке отцовский аппарат.

Аппарат, вопреки ожиданиям, был легким. Мягкая серая ткань, в которую он был завернут, настолько выцвела, что белые завитки, вплетенные в нее, казались скорее дымом, чем нитью. Затаив дыхание, развернула, подняла крышку, почти не сомневаясь, что она треснет в наказание за мой проступок, но та просто беззвучно скользнула вверх, обнажив сотни крошечных отверстий.

Мои руки дрожали. Я представляла, для чего нужен аппарат, но все еще считала это магией. А магия обязательно имеет свою цену. Вдруг аппарат отбирает так же легко, как и отдает? Отношения моего отца с ароматическими бумажками заставляли думать, что это вполне возможно.

Прислушавшись, нет ли шагов на тропинке, уловила толь-

ко щебетание птиц. Глубоко вдохнула, вбирая окружающие запахи в легкие, в сознание, затем подняла аппарат обеими руками, направила себе в лицо и нажала кнопку. Машина вдохнула, щелкнула, зажужжала. Я почувствовала, как воздух просачивается сквозь мои кудри к отверстиям. Не двигалась, пока листок бумаги почти полностью не развернулся, тогда подставила руку и позволила ему упасть на мою ладонь.

Долго смотрел на этот клочок. Затем осторожно взяла за краешек и помахала им перед собой. Почувствовала в воздухе запах себя, чуть моложе, и мгновенно поняла, почему мой отец хочет защитить свои творения.

Однако я – не он.

Я достала одну из пустых бутылочек. Откупорила и поднесла ее к носу, но там ничего не было, только тихая пустота. Это было ожидание.

«Для меня», – подумала я.

Положив ароматический листок в похищенный флакон, достала маленькую деревянную коробочку, в которой хранился отцовский запас воска. Мне очень хотелось, чтобы там был красный, но увы, остался только зеленый. Растопила кусочек, наблюдая, как горячие капли падают на ободок пробки и застывают, плотно запечатывая ее. Я положила бутылку в карман куртки, аккуратно поставила аппарат на место в кладовке, а затем выскользнула за дверь хижины.

После теплого помещения на улице казалось еще холод-

нее. Я шла по тропе, пока не обнаружила место, откуда мы с Клео пробирались к утесу. Теперь сделать это было проще. Следуя по знакомому маршруту через кусты салала, я остро ощутила тоску по Клео. Боль была такой сильной, словно ветки вонзались мне в бок. Я остановилась.

«Может быть, мне не следует этого делать», – подумала я, но меня уже тошнило от горя, мне надоело горевать.

И я продолжила путь, пока не достигла края обрыва. Стоя там, ощущала холодный ветер на лице; далеко внизу вода билась о камни. Пальцами нащупала в кармане куртки гладкое стекло, резко выдернула руку и выбросила бутылку в это непостижимое, волнующее пространство. Услышала всплеск, когда сосчитала до трех.

– Я здесь, – прошептала я небу, которое никогда не отвечало, людям, которых никогда не видела. – Я здесь.

Повторила то же самое на следующий день. А потом еще и еще. Знала, что не должна пользоваться аппаратом вообще, не говоря уже о том, чтобы так часто, но мне было все равно. Я больше не хотела быть осторожной.

Каждая новая ароматическая бумажка, каждый флакон, отправленный в воду, давали ощущение свободы. Напряжение немного спадало. Возможно, это была правда – не удив-

люсь, если аппарат действительно забирал что-то у человека, который его использовал. Но к следующему утру чувства снова накапливались, и я с тревогой ждала, когда отец уйдет, чтобы воспользоваться машинкой и ощутить, как частичка меня падает в мою ладонь.

Потом настал день, когда я открыла крышку, нажала на кнопку, но из щели ничего не вылезло. Машина щелкала и жужжала, щелкала и жужжала. Никаких листочков. Просто бесконечный разочарованный вдох через отверстия. Можно ли было использовать магию? Машинка продолжала работать, вдыхая воздух, как будто собиралась поглотить весь остров.

Запаниковав, я с треском захлопнула крышку. Звук затих.

Что бы сделал мой отец, если бы узнал? Он не пользовался машиной после нашей неудачной попытки создать копию одной из ароматических бумажек, но если он передумает, если попытается воспользоваться ею, то узнает, что я натворила.

Быстро завернув аппарат в серую ткань, я положила его обратно на полку, убедившись, что он именно там, откуда был снят. Затем плотно прикрыла дверь кладовки.

Флакoн

Все исчезало. Бумага в аппарате, еда в кладовке, разум моего отца. Однажды он выложил на стол все запасы нашей еды. Порой он вынимал из ящичков оставшиеся флаконы, расставлял их рядами, пересчитывал и аккуратно ставил обратно. Он больше не сжигал исчезнувшие запахи. Он цеплялся за них, как будто они могли его поддержать. Наблюдая происходящее, я задавалась вопросом, была ли я единственной, кто видел, как балансирующий на грани разум теряет равновесие.

– Папа, – попыталась я достучаться до него. – Нам нужна помощь.

– Мы должны беречь их, – только и произнес он. И теперь стало абсолютно ясно, что он имеет в виду ароматические хранилища.

Но как насчет меня?! Я была ошарашена. Как насчет моей безопасности?! Что бы ни находилось за пределами нашего острова, это не могло быть так же плохо, как неизбежность голодной смерти. Русалки никогда не приносили нам коробок зимой. Мой отец говорил, что им слишком холодно, чтобы устраивать вечеринки. Теперь я понимала – это было связано с бурями и неспособностью лодок пройти через канал. До весны помощи ждать не приходится. И коль уж нам нужна помощь, мы должны сделать нечто, позволяющее ейдой-

ти до нас, но отец не хотел привлекать никакого внимания к нашему острову. До тех пор, пока существовали флаконы.

Каждый день я ходила на утес и смотрела вдаль на большой мир.

Зима запускала ветер вниз по проливу, заставляя воду пениться. Острова на горизонте были чернильно-черными, без единого следа других людей. Определенно было бы глупо полагаться на удачу в нашем спасении.

Ночью, лежа в своей кровати на чердаке, я думала о том, что ароматические бумажки в ящиках почти совсем не шептались, они больше не рассказывали историй. Возможно, мой отец ошибается, и они не хотят, чтобы их спасали.

Однако есть вероятность, что они все еще могут спасти нас.

Я ждала несколько дней, когда отец наконец вышел из хижины и направился в лес. Как только он скрылся из виду, принялась за дело. Перекинув через плечо сумку для провизии, взобралась по лестнице к верхнему ряду ящичков. Наверху было опасно, воздух казался тяжелее и горячее. Мои ладони скользили по ступенькам. У меня был план, но какое-то мгновение я все еще не была уверена в правильности того, что делаю.

Протянув руку к верхней бутылочке, я посмотрела вниз и вдруг увидела наш мир, лежащий подо мной, как раскрытые страницы книги. Чердак, который мой отец обустроил для меня, одеяла, сшитые из лоскутов одежды, которую я носила все эти годы. Дровяная печь, на которой отец учил меня готовить. Дощатый стол, за которым он учил меня писать. Наши полки с книгами. Кресло, на котором мы их читали. Корзины, которые мы делали зимними вечерами, сплетая у костра пучки кедровой коры.

Это была наша жизнь – наполненная и дышащая. Не воспоминание, заточенное в бутылку. Тогда я поняла, что сделаю все возможное, чтобы спасти ее.

Я осторожно наклонилась вперед, вынимала флаконы из ящичков, один за другим складывала их в сумку. Красные восковые печати исчезали в ее глубине. Когда она заполнилась, ящички были приведены в порядок, чтобы ничто не указывало на мое вмешательство. Потом я спустилась по лестнице, прислушиваясь к тихому звону стекла.

Это займет много времени, я должна постараться сделать все быстро, прежде чем мой отец поймет, что происходит. Чувствуя себя полной решимости, я подхватила сумку и направилась к обрыву, пробираясь по знакомой тропе. Кусты хватили меня за штанины и предостерегающе шептали: «Стоп, стоп, стоп, стоп!» Но я не слушала их.

Добравшись до обрыва, поставила сумку у ног. Стоя на краю скалы, вытащила флакон, чувствуя жесткую восковую

печать на его крышке. На мгновение задумалась, какой аромат он хранил, какое чудесное воспоминание было в нем заключено, потом, решительно трянув головой, высоко подняла флакон и швырнула его как можно дальше. Наступила долгая тишина, как будто воздух затаил дыхание, а затем раздался всплеск. На мгновение мое сердце сжалось, словно исчез целый мир. Я никогда не узнаю, почему Джек так любил его или почему мой отец сделал все, чтобы защитить его.

Но наш мир нужен был мне гораздо больше, чем все эти неведомые миры, поэтому я бросала флаконы снова и снова, пока сумка не опустела.

Мне потребовались два дня, чтобы разобрать запечатанные красным воском флаконы, и это была чистая удача, что мой отец не открыл ящички за это время. На третий день я открыла тот, который был спрятан за связками трав, повешенными отцом давным-давно. Он никогда их не снимал, шутил, что они охраняют нас, как мы охраняем ароматические бумажки.

Я старалась быть аккуратной, снимая веревку с крючка, но хрупкие сухие травы рассыпались по полу. Я почувствовала запахи пыльного орегано и тимьяна, мягкие и немного вызывающие грусть. Прижавшись к лестнице, выдвинула

ящичек. И уже собиралась сунуть флакон в сумку, но остановилась, увидев, что восковая печать синего цвета.

Какое-то время молча разглядывала ее. Я никогда раньше не видела синие восковые печати. Интересно, почему отец никогда не вытаскивал эту бутылочку из ящичка и не показывал ее мне? Она лежала, спрятанная там, все это время. На мгновение мне захотелось положить ее обратно, но они все должны были исчезнуть, иначе в моей затее не было смысла. Поэтому я положила флакон в сумку и вышла. Мне следует быть сильной ради нас обоих, сказала я себе.

Удивительно, как легко мы порой берем на себя роль героя.

Стоя на краю утеса, глядя на острова, я снова бросала бутылочки, одну за другой, пока не осталась только синяя. Качающиеся склянки с пятнышками красного цвета покрывали поверхность воды подо мной и отсюда напоминали маленьких рыбок, плывущих в море, удаляющихся вместе с приливом. Мне было интересно, кто может найти их. Останется ли какой-нибудь запах, когда этот кто-то сломает печать? Придет ли ему в голову сжечь листок?

Однако думать о подобных вещах не имело смысла. Это были не послания. Я могла бы зарыть флаконы, спрятать, но знала, что они должны исчезнуть безвозвратно. Только тогда папа задумается о помощи.

Вытащила последнюю бутылочку и провела пальцем по синей печати. Воск был старым и начинал трескаться, ее

никогда не распечатывали. Мои руки дрожали от искушения открыть пробку и узнать, остался ли какой-нибудь запах внутри.

– Кто ты? – удивленно спросила я. – Что делает тебя особенным?

Наклонилась, прислушиваясь, словно бумажка, сокрытая внутри, могла ответить. Мне показалось, что я почти расслышала шепот, а может быть, мне просто этого хотелось.

И тут раздался звук шагов, приближающихся по тропинке.

Мысли тревожно закружились в голове: до того, как он найдет меня, оставались считанные секунды. Я сжала бутылку в руке. Нужно было действовать быстро, избавиться от нее, или все это напрасно. Но я никак не могла оторвать взгляд от синей печати. Просто не хотела этого делать. Но считала, что должна это сделать.

Отец показался из-за деревьев. Я подняла руку.

Просто почувствовала, как он подходит, и услышала душераздирающий вопль, когда швырнула флакон. Он бросился мимо меня, протягивая руки. И даже не взглянул на край утеса.

Флакон взмыл в воздух, тело отца взлетело вслед за ним, и через мгновение они оба исчезли. Послышался всплеск далеко внизу в черной воде.

– Папа! – завизжала я, перегнувшись через уступ и высматривая его среди этих дурацких качающихся бутылок.

Его голова показалась на поверхности, лицо выражало муку. Его глаза встретились с моими на одно долгое мгновение. Потом он обвел взглядом скалы и воду вокруг. Я знала, что он делает. *Оцени ситуацию, Эммелайн. Исключи переменные. Определи оптимальный курс действий.*

А может быть, он искал синюю бутылку.

– Папа!

Он снова поднял глаза. От холода его кожа уже меняла цвет.

– Лагуна! – крикнул он, указывая направо, за изгиб отвесной стены острова.

– Прости! – рыдала я. – Прости!

– Я люблю тебя! – произнес он одними губами и поплыл.

– Я тебя встречу! – закричала я. Хотя, думаю, уже тогда мы оба знали...

После

Не сводя глаз с канала, я простояла у лагуны весь день. Волны рычали и бурлили, отказываясь успокаиваться, хотя я изо всех сил старалась сосредоточиться на клокочущей воде и силой мысли сделать ее мягкой и приветливой. Умом понимала, что все это бесполезно. Мы с отцом много раз говорили о температуре воды в океане. О том, как долго можно продержаться в ее объятиях. И если не случится шок и вы не будете, отчаянно барахтаясь, пытаться хватать ртом воздух, при этом глотая воду, – вас настигнет холод. Отец заверял, что длительное пребывание в океане всегда смертельно опасно, даже летом. А сейчас – зима. И даже если бы он смог добраться до канала, прилив и скалы никогда не пропустили бы его целым и невредимым. Мой отец был ученым и научил меня мыслить критически.

Тем не менее я ждала.

Небо потемнело, все исчезло, остались одни запахи. Сидя на берегу, вдыхая знакомые до боли ароматы соленой воды и влажного песка, я внезапно с ужасом осознала, что мой нос уже заменяет эти обонятельные воспоминания новыми. Теми, в которых нет моего отца.

«Когда меняешь запах, меняешь и память», – всегда говорил он. По-настоящему я поняла это только сейчас. С каждым вдохом мой отец исчезал.

«Нет», – подумала я. Вскочила, бросила последний отчаянный взгляд через лагуну в сторону канала, затем повернулась и помчалась вверх по тропе.

Я влетела в хижину и плотно закрыла за собой дверь в попытке удержать драгоценные запахи внутри. Его запах все еще был здесь – в воздухе, в ткани его рубашек, даже на страницах наших книг. Я принюхивалась ко всему, что могла найти, зная, что запах скоро ускользнет так же легко, как вода проходит через сито.

Вспомнила обо всех ароматических бумажках, которые создала с себя. Все эти белые квадраты, падающие мне в руку. Мне не приходило в голову сделать хотя бы одну с отца – для этого никогда не было причин. Он ведь мой отец и всегда будет рядом.

– Эгоистка, – шептала я в тишине. – Эгоистка. Эгоистка.

Огляделась вокруг. Все верхние ящички были открыты, вплоть до того, где прятался флакон с синим воском. Аппарат был развернут и лежал на столе.

«Он знал». – Эта мысль показалась нестерпимой.

Я подняла аппарат – такой гладкий и красивый. С него все и началось.

– Ненавижу тебя! – заорала я, швыряя его об пол, снова

и снова, пока он не превратился в кучку крошечных металлических кусочков. Хлам, а не магия.

Я подняла ткань, которой он всегда был обернут, и бросила в огонь, не задумываясь. Аромат, ленивый и пряный, распространился по хижине, смешиваясь с запахами, меняя то, что осталось от моего отца. Я захлопнула дверцу печки, но было уже слишком поздно.

Следующие два дня я провела, свернувшись калачиком в нашем большом кресле, крепко прижимая к груди книгу сказок. Часть меня думала, что если я ничего не изменю, то, возможно, все вернется на круги своя. Мой отец войдет в дверь, стряхивая воду с волос, шутя над купанием в межсезонье. Мой отец войдет, и это будет человек из моего детства, тот, кто, отвлекшись от поисков пищи, показывал мне витиеватый и загадочный след улитки. А вовсе не тот, в кого он превратился в последние месяцы. Не тот, кто летит в воду за флаконами.

Старалась не думать о содержимом нижних ящичков. «Если бы не они, у меня все еще был бы отец», – эта мысль не давала покоя. И все же я знала, что находится внутри флаконов с зелеными пробками. Наша жизнь с отцом.

Через три дня его отсутствие зазвучало в моей голове уже как набат, я больше не могла этого выносить. Стала бездумно открывать ящички и просто держала флаконы в руках, гадая, какой день запечатлела ароматическая бумага внутри, что мы тогда делали. Отсутствие еды меня не волновало. За-

вернувшись в отцовские одеяла, я прижимала один из флаконов к груди, пока не согревала его своим телом. Затем меняла его на другой.

Утром пятого дня проснулась в кресле, холодный мир вокруг меня словно опрокинулся. Запах моего отца почти полностью исчез. Мне удалось снова разжечь огонь. Подойдя к ящичкам, достала флакон, листок внутри пошевелился, и я услышала голос отца. *Я здесь. Я здесь.*

Схватив нож, сломала печать. Запах все еще ощущался, но еле-еле, как деревья просматриваются сквозь туман, слабый намек, ничего такого, по чему можно было бы ориентироваться, а мне нужна была навигация. Я пересекла комнату, открыла дверцу печи и бросила туда бумагу.

Мгновение – и она занялась. Я была почти уверена, что меня ждет разочарование, в наказание за то, что я натворила, – но все случилось. Замерев, я стояла, полностью погрузившись в свои воспоминания. Я стояла, окутанная ароматом позднего лета, полного тепла и солнечного света, ощутила восхитительный запах спелых фруктов в корзине на столе, вспомнила, как из-под ножа выкручивалась гладкая спираль, когда отец снимал с яблока кожуру.

– Вот, мой маленький жаворонок. Посмотри, какая замечательная игрушка! И ее еще можно съесть, – добродушно улыбаясь, сказал мой отец, и в тот момент в мои крошечные ладошки упала кожура.

Я упала на колени, чувствуя его руки, запах его живого

тепла, соленой морской воды и сосновой смолы в бороде. Прежде чем запах исчез, я потянулась за следующим флаконом.

После первоначального расточительства я попыталась себя ограничить, но воля покинула мое ослабевшее тело. Один флакон в день превратился в два, потом в три, потом в пять. Я вовсе не пыталась уйти. Даже если бы я могла понять, как получить помощь или как преодолеть этот ужасный канал, было уже слишком поздно. Мне просто хотелось снова быть со своим отцом.

Снова и снова я открывала флаконы и сжигала ароматические бумажки одну за другой. Как-то даже нашла запах Клео, и, к удивлению, именно он заставил меня всхлипнуть.

Шли дни. Я почувствовала, что превращаюсь в воздух. Запахи ароматических листков стали моими легкими, кровью в моих венах. Мне становилось все легче и легче растворяться в них. Мой отец научил меня улавливать флюиды, но теперь я проникла внутрь, блуждая среди них, как меж деревьев в незнакомом лесу.

«Во времена забытых тайн, Эммелайн», – шептали они.

Хотелось жить в историях, которые рассказывали эти ароматы. Когда я поняла, что скоро мне будет слишком трудно

вставить, чтобы доставать флаконы из ящичков, сняла сразу все оставшиеся. Мне нужно было беречь силы.

Вокруг меня образовалось поле из стекла и осколков зеленого воска. Я уже держала в руках следующую, хотя шепот предыдущей ароматической бумажки все еще звучал – обычный день прямо на пороге весны, фиалки ждут под землей. Мои волосы вымыты, дрова в печке слегка позеленели. Детали, которые меня тогда не слишком интересовали. Втянула в себя эти нюансы, потом почувствовала, как они уходят, исчезают. Вдохнула глубже.

– Эммелайн!

Голос доносился откуда-то издалека. Это был не первый голос, который возникал из ароматических бумаг, но на этот раз что-то было иначе. Я оттолкнула его и зарылась поглубже в запах свежей зелени и сырого дерева.

– Эммелайн! – позвал кто-то совсем близко – снаружи, поняла я. Медленно села, зная, что это не голос моего отца, но все же надеясь. Комната закачалась, и аромат снова потянул меня к себе.

«*Не ходи!*» – прошептал он.

На крыльце послышались шаги. Дверь открылась, и запахи хижины унесло потоком свежего холодного воздуха. Я видела, как вошел русалочий человек, но на этот раз у него не было черной пластиковой коробки. И моего отца у него тоже не было.

Часть вторая

Бухта

Страна чудес

Матрас был мягким, простыни туго натянутыми.

Это не моя кровать.

Я лежала с закрытыми глазами, старалась не шевелиться и затаила дыхание. Я понимала, что как только впущу запахи и открою глаза, мир станет другим, неправильным. А он должен оставаться привычным, неизменным. Иначе мне не выдержать. И поэтому я пообещала себе, что не открою глаз, не буду дышать носом и не стану выяснять, где нахожусь.

Попыталась перевернуться, мне хотелось сжаться в клубочек и исчезнуть, но тяжесть на ногах не позволяла двигаться. Рефлекторно вдохнула и почувствовала запах влажного меха животного. Клео?

Ахнула, почти надеясь, но в ответ услышала только хриплое дыхание. Не Клео. Я застыла, моя кожа горела от паники. Теплое дыхание коснулось моего лица, и я втянула воздух, полный глубоких мускусных тонов. Медведь? Чей-то язык скользнул по моей щеке. Это было уже слишком!

Я зажмурилась и закричала.

– Все в порядке, *ma chérie*.

Ужасное животное исчезло, и где-то надо мной послышался голос. Женщина. Щекой я почувствовала ладонь, пахнущую дрожжами, мукой и сахаром.

– Это был всего лишь наш пес, – сказала она. – Теперь он на улице.

Рука женщины погладила меня по макушке. В эту минуту каждая прядь моих волос вспоминала пальцы отца, скользившие по моим кудрям, когда он читал мне. Инстинктивно я подтянула рубашку к лицу, страстно желая ощутить остатки запахов ароматических бумажек. Но ткань в моих руках была мягкой и тонкой.

То была не моя рубашка. Я вдохнула пустой запах – никаких цветов. Никакой сосновой смолы и морской соли. Никаких яблонь и фланели. «*Нет*», – подумала я.

– Твоя одежда в стирке, – сказала женщина. – Она пропахла дымом, но скоро будет свежей и чистой, не волнуйся.

Нет. Нет. Нет.

Он окончательно исчез. Горе настигло меня и поглотило целиком.

Я не знаю, сколько прошло времени. Видела, как женщина входила проведать меня, коснулась щеки, потом плеча.

– Эммелайн?

Я не отвечала. Через несколько часов она вернулась.

– Эммелайн, – на этот раз ее голос звучал по-другому: спокойно, но настойчиво, – тебе нужно открыть глаза прямо сейчас. И обязательно нужно поесть.

За закрытыми веками я видела лишь черный океан бутылок.

Позволь мне прыгнуть с тобой, папа. Такая мысль настойчиво стучалась в моей голове. Меня не пугали ни холод, ни мрак мира, только бы быть с ним.

– Здесь ты в безопасности, – снова заговорила женщина.

Безопасность. Какое странное слово.

Однако запахам нет дела до ума или сердца. Они пробьются сквозь тьму закрытых глаз, проскользнут мимо баррикад мыслей. Тело – их сообщник. Мы можем жить без еды неделями, несколько дней обходиться без воды, но попр-

буйте не дышать – и легкие взбунтуются.

И постепенно, вслед за этими предательскими вдохами, в комнату прокрался аромат чего-то запеченного в духовке. И настойчивый запах размягченного жареного лука. Я старалась не обращать на них внимания, но они все равно проникали внутрь, теплые и гостеприимные, как лето.

– *Люди лгут, Эммелайн, а запахи – никогда,* – говорил мне отец. Я все еще видела, как он стоит у курятника и учит меня искать свежие яйца.

«*Следуй за ним,* – его палец стучит по моему носу. – *Не стой у него на пути*».

Не хочу оставлять тебя, папа.

Но в конце концов деваться было некуда. Я открыла глаза.

Трудно объяснить испытанный мною шок, когда я впервые увидела настоящую женщину. Конечно, у нас были фотографии и иллюстрации с изображением людей, но они существовали в книгах, пахли только бумагой. Их голоса были вариациями голоса отца, читающего мне вслух. Если бы я вообще об этом задумывалась, то решила бы, что другие люди – это просто уменьшенные или, наоборот, более высокие или более округлые версии моего отца.

Но женщина, стоявшая передо мной, выглядела по-другому.

му. На ней были свободное голубое платье и широкий фартук. Седые волосы, собранные на затылке, оттеняли загорелую кожу, вокруг глаз и рта залегли морщинки. Она казалась старой и в то же время не очень, а ее сильные руки походили на узловатые корни дерева.

– Вот и ты, *ma chérie*, – улыбнулась она. Потом, словно поняв, что мне нужно побыть одной, добавила: – Я принесу поесть. Тебе давно пора подкрепиться.

Когда она вышла, я огляделась. Выкрашенные в голубой цвет стены были совершенно гладкими. Никаких ящиков. Никаких флаконов. Никакого мерцающего леса. Окно напротив кровати выходило на воду; свет, проникавший внутрь, был насыщен серебром поздней зимы. На утесе никогда не было столь яркого света. Я почувствовала себя незащищенной вдали от привычного леса, подтянула колени к груди, не обращая внимания на обстановку, и уставилась на дверь.

Запах кардамона, мягкий и успокаивающий, опередил вошедшую в комнату женщину. Появилось воспоминание – листок из красного флакона с ароматом знойного места, который словно обволакивал, лаская мне кожу. «*Кардамон*, – сказал тогда отец. – *Они прячутся, как сокровища*». И показал фотографии стручков в форме крошечных лодочек, из которых сыпались черные семена.

– Вот, – проговорила женщина, протягивая тарелку и стакан с чем-то белым внутри. – Никто никогда не отказывался

от моих булочек.

От запаха с тарелки у меня закружилась голова. Мы тоже пекли хлеб на острове, но этот аромат был более мягким и нежным. Но при этом в нем присутствовали какие-то более тяжелые и настойчивые нотки. Я взяла булочку. Она была коричневой и липкой. После первого же ее кусочка мой рот наполнился сладостью. Я пробовала сахар и раньше, но только как редкое лакомство из русалочьих коробок, а здесь его было столько, сколько я не ела ни разу за целый год. Заныли зубы, рот наполнился слюной.

С удивлением взглянула на женщину, она улыбалась.

– Рада, что они тебе нравятся, – сказала она. – А теперь, коль уж мы смотрим друг на друга, позволь представиться. Я – Колетт. Мой муж Генри – тот, кто нашел тебя. Это наш дом.

Она протянула стакан. Я поднесла его ко рту, отхлебнула и поперхнулась. Будучи на острове, я привыкла к воде и яркой прозрачной зелени елового чая, а эта жидкость была густой, холодной и мягкой, как пенка волн, бьющихся о край лагуны.

– Это молоко, – объяснила Колетт.

Так вот каково оно на вкус! Повторяющийся образ в одном из сборников рассказов – стакан молока, который дают ребенку перед сном. Это казалось таким удовольствием!

– Простите, – пролепетала я, ощущая, как мой желудок скрутило, и испугавшись, что меня может стошнить.

Колетт немедленно вышла и вернулась со стаканом воды, вкус которой отдавал металлом. Она была совсем не похожа на воду из нашего колодца, выложенного холодными камнями, но все же лучше молока. Женщина сидела на краю кровати, пока я пила, глядя по сторонам и стараясь не думать о вкусе воды и открытом небе за окном.

Ты не дома.

Отвернувшись от окна, обнаружила слева от себя комод с маленькой лампой. А рядом с ней – флакон с зеленой восковой печатью. Я вздрогнула.

– Ты не отпускала его, – сказала женщина, кивнув на флакон. Она внимательно наблюдала за мной. – Генри говорит, что он последний. Люди находили эти бутылочки по всему побережью. Все гадали, откуда они взялись. Была даже статья в «Дейли Сан». Но большинство с красными пробками.

Я вспомнила, как, стоя на утесе, бросала отцовские флаконы в воду. И его лицо, глядящее на меня из холодных волн.

– Не говорите ничего! – взмолилась я. – Пожалуйста!

Колетт опустила взгляд. Мои пальцы вцепились в ее запястье, но если ей и было больно, она не подала виду.

– Хорошо, – спокойно проговорила она.

Я отпустила ее. Женщина взяла флакон и протянула мне:

– Вот, держи.

Колетт вышла из комнаты, сообщив, что должна приготовить обед для Генри, а я лежала, крепко сжимая флакон. Желание открыть его, сжечь бумагу и ощутить запах отца было

почти непреодолимым, но этот маленький листок – все, что у меня осталось. Это было подтверждение всего нашего существования и того, что я сделала с нами. Мое самое лучшее и самое худшее воспоминание.

Дожд

Должно быть, прошло около недели, прежде чем я смогла выйти из комнаты. Колетт поставила ведро рядом с кроватью, и было непостижимо, как много усилий нужно прикладывать, чтобы сделать до него пару шагов. В основном я спала. Помогало ли это моему телу или разуму, не знаю. Помню только, что комната постепенно становилась светлее, а мои руки и ноги вспомнили, что сделаны из костей и мышц. Люди таковы – стоит дать нам шанс, и мы возвращаемся, хотим того или нет.

Однако этот новый мир был очень странным местом. На острове я читала сказки о домах, сделанных из конфет, и о говорящих животных. Стена нашей хижины была заставлена флаконами, в которых хранилось время. Мой отец рассказывал, как корни деревьев говорят друг с другом глубоко под землей.

Все это было более правдоподобно, чем то, с чем я столкнулась сейчас.

– Не хочешь ли принять ванну? – спросила однажды Колетт.

В моем представлении ванна – холодная, мокрая ткань, кусок мыла и шершавое полотенце, чтобы вытереться. Редкое мытье волос включало в себя кувшин с водой (из колодца или дождевой с крыши) и две миски: одна, чтобы намочить

волосы, вторая для стекающей воды.

Вместо этого Колетт провела меня в ярко-белую комнату с блестящими стенами. Отодвинула занавеску, и я увидела огромное корыто, гладкое и ослепительно белое. Огляделась в поисках ведра, но тут женщина повернула ручку и из стены хлынул бесконечный поток холодной, а затем горячей воды. Я смотрела, зачарованная и испуганная, как корыто наполняется. Сложно было представить, как вся эта вода остается внутри ванны и что может случиться, если вы случайно проделаете в ней дыру.

– Хочешь туда забраться? – спросила Колетт, улыбаясь. – Не стоит ждать, пока вода остынет. – Я молча смотрела на нее. – Подожду снаружи, – поняла она. – Дай знать, если что-то понадобится.

Дверь за ней закрылась, а я все стояла, глядя на воду. Я плавала на глубине, там, на острове, в холодной и очень соленой воде. У этой был другой запах – пар и незнакомый острый аромат, который я почувствовала на руках Колетт. И еще кое-что. Повея носом, увидела кусок мыла на краю ванны. Подняла его, оно пахло чем-то сладким, но в то же время немного создающим печаль. Нечто подобное я учуяла в одном из красных флаконов, однако в этот раз оно показалось мне неправильным – тонким, даже неживым.

Мне не нужны были эти незнакомые запахи, но я знала, для чего предназначены мыло и вода. Сняла одежду, мое тело все еще дрожало от длительного голодания и недели, про-

веденной в постели. Села на край ванны и опустила туда ногу, почувствовала горячее. И заскользила вниз, пока над водой не остался торчать только мой нос. Тепло обволакивало меня – это было невозможно хорошо. Я разглядывала свое исхудавшее тело – бледная кожа в белой ванне была почти невидимой. Мне захотелось остаться в ней навсегда.

Вода уже остыла, когда Колетт постучала в дверь.

– С тобой там все в порядке? – спросила она.

– Да, – прозвучал мой ответ.

Позже я вытерлась, оделась и пошла на кухню, где Колетт усадила меня в кресло-качалку. Там не спеша я оглядела горшки, висящие на крючках, тарелки и миски на полках, яблоки в плетеной корзинке. Мне было известно о существовании этих предметов.

– Как насчет чая? – предложила Колетт.

Я молча кивнула. *«Ты можешь это сделать, – успокаивала я себя. – Это не так уж и странно».*

Женщина сделала запястьем круговое движение, и из большой белой коробки вырвалось голубое пламя. Я закричала и побежала к своей кровати. Прележала несколько часов, сжимая зеленый отцовский флакон, представляя, что мы с ним снова в хижине. Но это было утешение, заключенное в стекло. Жизнь никогда не будет прежней, и я никогда не смогу вернуться назад.

В последующие дни я узнала много нового. В этом месте печи не требовали дров, а тепло не требовало огня. Часы делили день на равные части, а барометры превращали погоду в цифры. Колетт и Генри щелкали выключателями, и ночь уходила; они держали около уха маленькие коробочки и разговаривали с невидимыми людьми.

Запахи этих новых вещей были необычными, слишком острыми и возбужденными, как будто они двигались очень быстро, чтобы не упустить из жизни ничего. К концу каждого дня я отчаянно нуждалась в запахе островной грязи под ногами, дыма из печи, овсянки и табака беглеца.

Я никуда не вписывалась. Здесь не было нужды ходить за фуражом или добывать огонь. Колетт заваривала чай из пакетика, а не из типсов. Все навыки, которыми я так гордилась, здесь не имели никакого значения, а те, что мне были нужны, окружающим были совершенно непонятны. Ночью я засыпала и во сне возвращалась на остров, надеясь найти свой дом, но просыпалась с криком.

У Генри, русалочьего человека, были седые волосы, но двигался он с гибкой энергией гораздо более молодого мужчины. Он проводил все свое время, работая неподалеку, и стук его молотка обеспечивал ровный ритм дня. Находясь внутри дома, он был тих и ненавязчив. Я видела, что он наблюдает за мной, ожидая вопросов. Папа обычно проделывал это с цыплятами, когда они были взволнованы: стоял в курятнике, пока они не успокаивались. Воспоминание было жгучим, острым и шипящим. Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к тому, что его больше нет?

– Как вы меня нашли? – наконец спросила я Генри.

Я откладывала это, подозревая, каков будет ответ.

Он посмотрел так, словно что-то решал. Затем сказал:

– Старик Дженкинс, который тоже живет на островах, нашел твоего отца...

Колетт вышла из кухни и едва заметно покачала головой. Генри смущенно кашлянул.

– Мне жаль, Эммелайн, – проговорил он.

Моя вина. Моя вина. Моя вина.

– Мне пришлось ждать подходящего прилива, чтобы пройти через ваш канал, – продолжал Генри. – Было мучительно знать, что ты там совсем одна.

Я сосредоточенно разглядывала свои руки, лежащие на коленях. Совсем не хотелось думать о тех днях. Рука Колетт мягко взяла меня за плечо.

– Помню, как твой отец принес тебя сюда.

Ее слова заставили меня поднять глаза.

– Что?!

Она кивнула.

– Ты была крошечная, едва ходила. Мы понимали, что твой отец боролся с чем-то или с кем-то. Как и очень многие, кто сюда приезжает, знаешь ли. Что было определенно ясно, – добавила она решительно, – так это то, что он любил тебя. И мог о тебе позаботиться. В противном случае я бы никогда не позволила увезти тебя на тот остров.

Генри кивнул.

– Мы ничего не имеем против уединенного образа жизни, но не терпим жестокости, – сказал он. – И по тому, что твой отец просил, когда вы обосновались на острове, стало понятно, что у вас все в порядке.

– Что вы имеете в виду?

– Он оставлял мне записки в пустых коробках. Сообщал, когда тебе хотелось чего-то особенного.

Синий дождевик. Книжки и шоколад. Клео. Я поняла это и отвернулась, чтобы они не видели моих глаз.

– Мне кажется, на сегодня достаточно, – промолвила Колетт.

Было время в моей жизни, когда я чувствовала себя взрос-

лой и самостоятельной. Сейчас же я была так напугана внешним миром, что боялась покидать дом. Сидя в своей комнате, рассказывала сама себе истории из отцовской книги сказок. Про девочку в красном плаще, бегущую по лесу. Про джинна, заточенного в бутылку, который со временем становится все более могущественным. Про детей, заблудившихся в чаще, у которых для спасения были только хлебные крошки. Мысленно повторяла эти истории, словно они могли подсказать мне, как ориентироваться в странном месте, в котором я очутилась, но лучшее, что они могли сделать, это помочь забыться. Страстное желание вернуть то, что ушло навсегда, заставляло меня возвращаться к ним снова и снова, как будто с их помощью можно было изменить финал моей собственной истории.

К жизни меня вернул пес по кличке Додж. Поначалу я боялась его из-за грубой шерсти и острых клыков, так напоминающих медвежьи. Даже несмотря на то, что шерсть была золотистой, а белая морда со спокойными глазами теплого коричневого цвета выглядела добродушно, я стояла в дверях кухни или гостиной, не решаясь войти до тех пор, пока Колетт не будила его, чтобы вывести на крыльцо.

Но однажды, когда я подошла к кухне, он просто встал и сам направился к входной двери, ожидая, когда его выпустят. Будто все понимал. Колетт открыла дверь, и я услышала, как он плюхнулся на крашеные доски крыльца.

Было любопытно наблюдать за ним из окна. Додж снова

успел, его дыхание стало ровным и спокойным. Внезапно он резко поднял голову, всем видом демонстрируя полную боевую готовность. Мне, стоявшей по другую сторону стекла, понадобилось чуть больше времени, чтобы учуять запах двигателя и увидеть лодку Генри, входящую в гавань. Пока я напрягала обоняние, Додж уже вскочил, неторопливо спустился вниз к причалу и стал ждать, когда Генри пришвартует лодку. Подойдя, хозяин наклонился и погладил собаку по спине.

Вдвоем они пошли к дому. Но когда Генри открыл входную дверь, Додж остановился. Оглянувшись, его хозяин понимающе произнес:

– Остаешься снаружи, старина?

Пес взглянул на меня, стоявшую у окна, и лег у двери. «Охраняет», – поняла я.

После этого я начала с интересом наблюдать за Доджем. Оказалось, что он по запаху определяет, когда Колетт испекла хлеб, что в ста футах от нас скачет белка или ветер меняет направление. Еще не видя их, он узнавал каждого из пяти рыбаков, лодки которых были пришвартованы в бухте. Большинство он приветствовал, виляя хвостом, но от одного держался подальше.

В последующие дни Додж стал моим проводником во внешний мир. Через его нос было безопасно вдыхать запахи, и вскоре я испытала желание тоже делать это: активно втягивать воздух – чистый, живой и полный сообщений.

Однажды, выглянув в окно, я увидела Доджа, пристально глядевшего в сторону бухты, каждый мускул его тела был напряжен. Даже находясь внутри, я почувствовала запах перемен. Немного металла, утяжеляющего воздух. Вспомнилось, как деревья, казалось, резко втягивали в себя собственные запахи.

«Шторм», – подумала я.

– Вы должны впустить Доджа в дом, – произнесла я Колетт. Та посмотрела на меня удивленно. – Приближается большое ненастье!

– Правда? На небе ни облачка.

– Пес это чувствует. Посмотрите на него.

Колетт взглянула на Доджа и проверила барометр.

– Хорошо. Вы двое – что-то особенное! – сказала она и открыла дверь. При этом, когда Додж вошел, я впервые не сбегала из комнаты.

Тем вечером дождь хлестал по окнам. Генри и Колетт тихо беседовали на кухне, я слышала их едва различимый ше-

пот, сидя у камина вместе с Доджем. Колетт дала мне книгу, которую назвала атласом, и сказала, что в ней можно увидеть весь мир. Однако это были плоские листы с очертаниями, раскрашенными в разные цвета.

– Мы находимся вот здесь, – указала она на край зеленого пятна, окруженного огромным синим пространством. – А вот тут место, где я родилась, – постучала она пальцем по названию города Монреаля, далеко на другой стороне рисунка. Затем ее палец скользнул вниз, сквозь чащу мелких изображений и букв к надписи «Нью-Йорк». – С Генри мы встретились здесь. Я гуляла в Центральном парке, и он тоже оказался там.

Вспоминая, Колетт улыбалась, а под конец даже рассмеялась:

– Он сказал, что хочет убежать от всего, что есть работа зрителя на краю света, и предложил поехать с ним. Я мечтала о приключениях и очень хотела быть с ним, поэтому согласилась. Только на одно лето. Полагаю, я задержалась, да?

В ее голосе было столько нежности, что мне хотелось провалиться в нее, уснуть там и никогда не просыпаться. Эта любовь – такая простая и такая настоящая, столь непохожая на мою... Я знала это. Любовь моего отца была запутанной, полной тайн и запертой на острове.

– А где жили мы? – спросила я. Колетт листала страницы до тех пор, пока не нашла похожую на остальные, но более

детальную карту, и на ней – сине-зеленую головоломку из бухт и островов. Указала пальцем на маленькое пятнышко где-то в середине, которое потерялось, как только она убрала руку.

И я поняла, что никогда не найду дорогу домой. Впрочем, в этом не было смысла, на острове для меня не осталось ничего.

Теперь я сидела перед камином с раскрытым атласом на коленях, уставившись куда-то вдаль, возможно, на свой остров. У моих ног похрапывал во сне Додж. От него пахло мокрой шерстью, деревьями и дождем. Опустившись на пол, я осторожно положила руку ему на спину. Пес открыл глаза, поднял морду и пристроился на моей ноге. Мы долго сидели вдвоем, пока ветер играл в водосточных трубах, а в камине потрескивали поленья.

Во время короткого затишья слышались голоса, доносившиеся с кухни.

– Что мы будем делать? – прозвучал голос Генри.

– Мы оставим ее у себя.

– А что, если кто-то ищет ее?

– И как же мы их найдем, Генри? Мы даже не знаем фамилии, только имена – Эммелайн и Джон. Он заплатил тебе наличными. Она говорит, что родилась в начале весны.

– Мы могли бы дать объявление.

– И тем самым привести к нашей двери или чокнутых, или педофилов. Нет, спасибо.

– Может быть, частный детектив?

– У нас нет таких денег.

Воцарилась тишина. Потом стало слышно, как Колетт ходит по кухне, как Генри отодвинул стул. Наконец она произнесла:

– Они приехали сюда больше десяти лет назад, и никто их с тех пор не искал. Может быть, есть причина?

– Что мы скажем людям?

– Она родственница, приехала погостить. Вот так просто. Она возьмет нашу фамилию.

Последовала долгая пауза. Я затаила дыхание. Колетт что-то помешивала на плите, деревянная ложка ритмично стучала по стенкам кастрюли.

– Она еще ребенок, Генри. Она достаточно натерпелась. Давай оставим ее у нас, – наконец сказала она. В ее голосе явно слышалась тоска.

– Хорошо, – согласился в конце концов Генри.

Сидя в гостиной рядом с Доджем, запустив пальцы в его мягкую шерсть, я думала над их словами. На острове мне вполне хватало имени Эммелайн, ощущения объятий моего отца, дня рождения, наполненного ароматом фиалок. Оказалось, что всего этого теперь недостаточно.

«Кто я, папа? Кем был ты?»

Нет, вопрос должен быть более острым.

«Почему ты мне не рассказал?»

Тайная бухта

В тот вечер Додж последовал за мной, когда я пошла в свою комнату, и устроился поудобнее на полу рядом с моей кроватью. Было слышно, как он дышит, этот звук наполнял пространство между мной и флаконом на комодe, и я поняла, что сегодня в первый раз буду спать в этой комнате не только в компании воспоминаний, которые стали для меня обычным делом.

Скоро дыхание Доджа перешло в храп. Мне нужно было делать выбор – вернуться назад или идти вперед. В конце концов это оказалось просто. Возвращение свелось бы к сказкам в моей голове и ароматической бумаге, которая, сторая, исчезает. Не оставалось ничего, кроме движения вперед. Я убрала флакон в ящик комода.

Проснувшись на следующее утро, мы с Доджем направились на кухню. Проходя мимо входной двери, пес остановился и поскреб ее, чтобы его выпустили.

Тепло дома обволакивало меня, флакон ждал, храня мое прошлое. Додж обернулся и снова поскребся. Я потянулась к ручке и открыла дверь.

За несколько недель, проведенных внутри, я забыла о чистоте воздуха после хорошего дождя. Буря погрузила мир в безмолвие. Вечнозеленые деревья на побережье так промокли, что казались черными; за ними виднелась облака, скользящие вниз, навстречу серо-серебристому океану. Маленькая гавань имела два длинных деревянных настила; к одному из них была пришвартована лодка Генри, белая на фоне темной воды.

Босая, я сбегала по лестнице и запрокинула голову, позволяя капелькам тумана оседать на моей коже. Ощущался запахи грязи, сырого дерева, приветливой зеленой листвы.

– Эге-гей, госпожа Эммелайн!

Я открыла глаза и увидела Генри, который возился со своей лодкой. Он помахал рукой, нарочито небрежно, как будто я выходила на улицу каждый день.

Сзади послышались торопливые шаги Колетт к входной двери.

– Дед, ты оставил эту штуку открытой? Ты выпускаешь холод.

Увидев меня, она остановилась.

– Ты только посмотри, снаружи и такая смелая! – В ее голосе слышалась улыбка. Колетт нырнула внутрь и появилась снова, неся пару сапог и дождевик. – Лучше это надеть.

Пока я натягивала сапоги, которые были немного великоваты, она села рядом со мной на нижнюю ступельку и жестом указала на деревянную вывеску над дощатым настилом. На

ней значилось: «Пансионат “Тайная бухта”».

– Добро пожаловать в нашу бухту. Это немного, зато все наше.

Вдоль дощатого тротуара я увидела стоящие в ряд маленькие коттеджи, выкрашенные в невероятно яркие цвета – желтый, синий, персиковый и красный. Они походили на взрыв смеха на фоне вечнозеленых деревьев, поднимающихся по склонам позади них.

– Генри любит яркие краски, – улыбнулась Колетт.

Мой взгляд сосредоточился на высоких темных холмах. Они казались бесконечными, дикими и полными чего и кого угодно.

– Медведи? – Мой голос был еле слышен.

– Здесь ты в безопасности.

Отвернувшись, я продолжила изучать гавань. Колетт проследила за моим взглядом.

– Рыбаки уже забрали свои лодки. Они вернутся не скоро, и до лета гостей в коттеджах не будет.

Мои плечи расслабились, а Додж подошел и уткнулся в меня.

Колетт засмеялась:

– Не бойся. Додж покажет тебе окрестности. А я останусь здесь на случай, если понадобится, – уверенно сказала она, затем развернула меня и нежно подтолкнула. – Иди, осмотрись. Здесь тебе ничего не угрожает.

Давным-давно мой отец сказал почти то же самое.

Мы с Доджем пошли по деревянному настилу. Я старалась дышать неглубоко, мой нос был готов к любой опасности, но пес казался равнодушным, он плелся передо мной, припадая на одну лапу.

Приблизившись к коттеджам, я обнаружила, что они стоят на облепленных ракушками сваях, погруженных в пенящуюся воду прилива, а их кровли покрыты зеленым мхом. Издалека благодаря ярким цветам они казались чем-то обособленным, но теперь стало ясно, что они всегда будут частью бухты, частью леса.

В коттеджах царила тишина, полная предвкушения. Мои сапоги мягко ступали по широким истертым доскам. Дыхание успокоилось. Заглянув в одно из окон, я увидела старое кресло-качалку и кровать с красно-белым лоскутным одеялом. Вспомнила о нашей хижине на острове, теперь одинокой, ожидающей новых жильцов. Обнаружит ли ее еще кто-нибудь? Найдет ли он наши ящички, услышит ли запах табака из трубки беглеца?

«Иди вперед, – напомнила я себе, – не возвращайся!»

Мы с Доджем продолжили путь.

Прошли по извилистому дощатому настилу вокруг бухты к тому месту, где он заканчивался у входа в гавань. Там бы-

ло два больших здания, одно красное, другое синее. Генри, должно быть, еще не добрался до них, решила я, потому что краска на них выцвела почти полностью. Красное здание было основательным – длинным и двухэтажным. Пара колючих растений, которые я не узнала, была посажена в двух деревянных бочках, расположившихся по бокам двери. Сине-зеленый запах всплыл в моей памяти, но я не могла идентифицировать его точно, поэтому пошла дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.